

Нора Робертс

«Каждый раз, когда я думаю,
что для Евы Даллас больше
нет запутанных дел, Робертс
уверяет меня в обратном».

Goodreads

Подмастерье смерти

Следствие ведет Ева Даллас

Нора Робертс

Подмастерье смерти

Серия «Ева Даллас», книга 54

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56254680
Подмастерье смерти: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110277-7

Аннотация

На катке в Центральном парке Нью-Йорка неизвестный снайпер убивает фигуристку, врача и учителя. За расследование берется лейтенант полиции Ева Даллас.

Опытный следователь, Ева видела много убийств, но с таким запутанным делом столкнулась впервые. Жертвы застрелены из тактической лазерной винтовки, а значит, снайпер находился на расстоянии в несколько километров от зоны обстрела. Список мест, где мог скрываться убийца, кажется бесконечным. А вот совершить такой точный выстрел может не каждый.

Муж Евы, компьютерный гений Рорк, вычисляет местонахождение снайпера. Что скажет Ева, когда окажется, что убийц было двое, а Центральный парк – всего лишь разминка?

Содержание

Пролог. Первое убийство	6
1	11
2	34
3	84
4	109
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Нора Робертс

Подмастерье смерти

Nora Roberts

APPRENTICE IN DEATH

© Макарова Т., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Тебе о сущности добра
И человечьем назначенье
Расскажут вешние ветра,
А не мудреные ученья¹.*

Уильям Вордсворт

*Бог на Природу столь сердит
За то, что зла ее работа?
О видах столь полна заботы,
А жизнью вовсе не щадит².*

¹ Стихотворение «The Tables Turned, an Evening Scene on the Same Subject». У. Вордсворт, перевод И. Меламеда. (Здесь и далее прим. перев.)

² Стихотворение «In Memoriam A. H. N.». А. Теннисон, перевод Э. Соловковой.

Альфред Лорд Теннисон

Пролог. Первое убийство

Ученик понимал: именно ради этого мгновения он трудился так усердно последние несколько лет. Бесчисленные жертвы, тренировки, дисциплина, обучение – все во имя единственной цели.

Морозный и солнечный январский день две тысячи шестьдесят первого года ознаменовал начало его карьеры.

Ученик знал: ясность ума и хладнокровие не менее важны, чем ловкость, направление и скорость ветра или влажность воздуха, а потому отчаянно старался умирять свой пыл.

Наставник все тщательно продумал и организовал. Комната в чистеньком отеле среднего класса на Второй авеню выходила окнами на запад, на тихий квартал Саттон-Плейс. Окна открывались. На них были защитные экраны. Вдалеке виднелся Центральный парк.

Этаж наставник специально выбрал повыше – чтобы ветви деревьев не заслоняли вид. Взглянешь невооруженным глазом – и Уоллмен-Ринк кажется маленьким белым комочком, отражающим солнечные блики. А посетители – всего лишь цветные точки.

Учитель с учеником много раз катались на этом катке, наблюдали, как жертва беззаботно кружит, позабыв обо всем на свете.

Они обследовали и другие места – дом жертвы, ее любимые магазины, рестораны, работу, изучили распорядок дня. В конце концов согласились: каток в большом парке – то, что надо. Работали молча, дружно и слаженно. Наставник разместил держатель у западного окна. Ученик закрепил на нем дальнобойную лазерную винтовку.

Из приоткрытого окна в комнату ворвался морозный воздух. Ученик спокойно и уверенно заглянул в прицел и стал наводить резкость. Прямо по курсу замаячил каток. Так близко, что можно разглядеть следы от лезвий.

Множество людей. То тут, то там мелькали разноцветные шапки, перчатки, шарфы. Молодая пара, держась за руки и радостно смеясь, неуверенно двигалась по льду. Девушка с золотистыми локонами в красном обтягивающем комбине-зоне и жилете кружилась волчком, раз от раза все быстрее, сливаясь в яркое пятно. Вот еще одна пара. Молодые родители по обеим сторонам держали за руки малыша, а тот радостно улыбался, зачарованный новым развлечением.

Старые, юные, среднего возраста. Новички и позеры. Кто-то стрелой проносится туда-сюда, кто-то едва стоит на коньках. И ни один не догадывается, что все они сейчас у него на мушке, в нескольких секундах от смерти. И эти несколько секунд даны ему, чтобы решить их участь – жить им или умереть.

Ощущение безграничной власти так сладостно!
– Есть жертва?

Минутное замешательство. Слишком много лиц. Слишком много тел.

Наконец ученик кивнул. Жертва на прицеле. Сколько раз он смотрел на знакомые черты в свой прицел? И не сосчитать. Этот будет последним.

– Еще двое?

И вновь бесстрастный кивок.

– В любом порядке. Можно начинать.

Ученик проверил скорость ветра, с минуту прицеливался, затем расчетливо и хладнокровно приступил к делу.

Девушка в красном комбинезоне стала выписывать круги подсечками назад и постепенно набирала скорость, готовясь к прыжку. Она начала вращение, перепрыгнула с правой ноги на левую, поднимая руки.

Смертельный выстрел поразил ее в спину, но она еще несколько мгновений продолжала непроизвольно двигаться в заданном направлении. Умиравшее тело, словно реактивный снаряд, с ходу врезалось в семью с малышом, повалило и отбросило их назад.

Поднялся крик.

Люди переполошились. Началась паника. Мужчина на другом конце катка приостановился и обернулся посмотреть, что стряслось.

Смертоносный луч прошел его насквозь. В корпус. Прямо по центру. Он рухнул на месте. За ним следовали еще двое катальщиков. Благо они успели вовремя увернуться и

не врезались в него.

Державшаяся за руки парочка неуклюже подкатила к перилам.

– Э-эх, кажется, они... – только и успел сказать парень, махнув в сторону людского месива впереди.

Удар пришелся ему в лоб, прямо между глаз.

Ученик стоял в номере отеля и в звенящей тишине, все еще глядя в прицел, представлял себе крики и шум толпы там, внизу. Можно было бы запросто убрать и четвертого, и пятого, а то и целую дюжину.

Легко, приятно. Как же пьянит чувство власти!

Но вот наставник опустил бинокль.

– Три чистых попадания. Жертва устранена.

В знак одобрения он тронул ученика за плечо, давая понять, что дело сделано:

– Отлично.

Ученик быстро умелыми движениями сложил и зачехлил винтовку. Наставник убрал треногу.

Они ни словом не обмолвились о случившемся, но на лице ученика явно читались и радость, и гордость за проделанную работу. А одобрение ему очень льстило. Наставник заметил все это, и на губах его промелькнула улыбка.

– Надежно спрячем оружие и тогда отпразднуем. Мы заслужили. Отдохнем, и завтра можно приступать к следующему.

Когда, тщательно скрыв все следы своего присутствия,

они выходили из номера, ученик уже не мог дожидаться завтрашнего дня.

Лейтенант полиции Ева Даллас только что вернулась в свой отдел по расследованию убийств с очередного нудного судебного заседания. Она очень хотела выпить кофе. Не тут-то было – детектив Дженкинсон явно ее поджидал. Он сразу вскочил из-за рабочего стола и направился к ней, гордо выставив на всеобщее обозрение отвратительный галстук.

– Это что, лягушки? – неодобрительно фыркнула Ева. – Зачем такой галстук надел? Кислотно-желтые лягушки скачут по кувшинкам тошнотворно-зеленого цвета! Господи боже...

– Лягушки приносят удачу. Фэншуй или что-то подобное. Я к вам по делу: новенькой во время задержания на Авеню Б наркоша в глаз засветил. Они с Кармайклом скрутили того молодца вместе с дилером. В спецприемник поместили. Новенькая в комнате отдыха лед прикладывает. Подумал, нужно вам сообщить.

Новенькой была только что переведенная в отдел офицер Шелби.

– Как она?

– Стойко держится. Как истинный коп.

– Приятно слышать.

Еве нестерпимо хотелось кофе. Не бурды, которой заправляют автомат в комнате отдыха, а настоящего кофе. У нее

в кабинете на такой случай стоял «Авто-шеф». Надо было только до него добраться. Однако чувство ответственности за новенькую не позволяло оставить ее без внимания. Ведь это она приняла офицера Шелби на службу. И вот в первый же рабочий день девушка получила кулаком в глаз.

Так что Ева, высокая и стройная в своем черном кожаном пальто, отправилась в комнату отдыха.

Шелби сидела перед компьютером, попивая дерьмовый кофе и щурясь в монитор с холодным компрессом на правом глазу. Она собиралась встать при виде начальства. Ева махнула, мол, не нужно условностей.

– Как ваш глаз, офицер?

– Моя маленькая сестренка больней дерется, лейтенант.

Ева жестом попросила приподнять компресс. Кровоподтек начал темнеть. Хороший знак.

– Быстро заживет. Еще немного холод подержите.

– Да, босс.

– Отличная работа!

– Спасибо, босс.

По пути в кабинет Ева заглянула к Кармайклу.

– Доложите по-быстрому, что стряслось.

– Детективы Кармайкл и Сантьяго задержали наркошу на Авеню Б. Нас туда для усиления вызвали – сдерживать толпу. Вдруг замечаем, как буквально в пяти футах один другому «товар» передает. Мы на это не могли закрыть глаза, как понимаете. Все-таки группа на задании... Пришлось взять

их в оборот. Дилер сразу сдался. А у наркоши ломка, похоже, начиналась, вот он и двинул нашей девушке. Не ожидали мы от него такой прыти. Надо признать, быстро Шелби его скрутила. Может, неосмотрительно было вот так с ходу на него бросаться, но она за это и получила как следует. Обоих парней в КПЗ отправили. Теперь им к наркотикам еще оскорбление полицейского при исполнении припаяют.

А она умеет держать удар. Тут ей тоже надо отдать должное, – добавил Кармайл.

– Пусть поработает немного, тогда и будем делать выводы.

Пока ее не успел перехватить еще кто-нибудь, Ева отправилась к себе в кабинет, прямо с порога, не снимая пальто, подошла и запустила «Авто-шеф».

Она стояла возле узкого окна и, прихлебывая крепкий кофе, цепким взглядом профессионального копа следила за движением на земле и в воздухе.

Как всегда, бумажной работы хоть отбавляй. Волей-неволей приходится заполнять бумаги. Только-только удалось закрыть одно безобразное дело – и пришлось все утро давать показания по другому. Все дела Еве казались отвратительными. Одни более запутанные, другие – менее. Вот и вся разница.

Так что просто хотелось передышки – выпить кофе в тишине и хоть минутку побыть наедине со своим городом, которому она поклялась служить верой и правдой.

Если повезет, ночь сегодня будет спокойной, и они с Рор-

ком проведут ее в тихом семейном кругу. Поужинают, выпьют вина, может, посмотрят фильм, займутся любовью. Когда полицейский из отдела убийств сходится с крупным бизнесменом, тихие семейные вечера превращаются в большой блестящий подарок с сюрпризом.

Слава богу, Рорк тоже очень любил вот такие спокойные вечера. Иногда им удавалось выкроить время, чтобы остаться вдвоем. Это было своего рода ритуалом, входило в «кодекс их семейной жизни». Кроме того, муж, оказавшись дома, частенько приходил к ней в кабинет, чтобы помочь с очередным делом. Да уж, перевоспитавшийся преступник с умом полицейского – адское оружие.

Ну, может, сегодня повезет.

Ева поставила кофе на стол, сняла пальто и бросила его на спинку нарочито неудобного стула для посетителей. «Бумаги», – напомнила она себе, провела ладонью по голове и нащупала вязаную шапочку. Стараясь не позволить этой маленькой неожиданности себя смутить, Ева небрежно швырнула шапку на стул следом за пальто, расчесала пальцами короткие каштановые волосы и села.

– Компьютер, – только и успела она проговорить, как раздался звонок по внутренней связи. – Даллас.

– Диспетчерская вызывает лейтенанта Еву Даллас.

Еще не дослушав до конца, Ева поняла: подарка от судьбы сегодня можно не ждать.

Вместе с напарницей Ева пешком шла к месту преступления напрямик от Шестой авеню, где ей пришлось припарковать рабочую машину во втором ряду.

Укутавшись в шарф с фиолетово-зелеными зигзагами, Пибоди шагала по расчищенной дорожке, громко топая от возмущения и бросая скорбные взгляды в снежное пространство, окружавшее их со всех сторон.

– Ну, я думала, вызовут в суд. Нам ведь давно разрешили свободную форму одежды. В сороковых еще вышло постановление. Так что ковбойские сапоги вполне годятся. А если по снегу придется пробираться...

– Январь на дворе. И ни один коп не додумался бы надеть розовую обувь, выезжая на убийство!

– Рио однажды была в красных туфлях, – заметила Пибоди, имея в виду помощника окружного прокурора. – Красный – по сути темно-розовый.

Ева задумалась на мгновение, и ей сразу же стало неловко: на повестке дня три убийства, а они тут какого-то черта про обувь спор затеяли.

– Такова жизнь. Смирись.

Когда подходили к первой линии оцепления, Ева на ходу показала жетон и прошла дальше, не обращая внимания на выкрики толпившихся со всех сторон репортеров.

«Кто-то очень грамотно сработал, – подумала она. – Смогли отогнать журналюг подальше от катка. Долго они их не удержат, но, по крайней мере, на какое-то время это упро-

стит дело».

На катке она увидела больше дюжины полицейских (многие то уходили, то возвращались) и около пятидесяти гражданских. Отчетливо слышались чьи-то истерические крики.

– Я думала, гражданских будет больше – нам свидетели нужны. – Ева продолжала оценивать обстановку. – Как только появились трупы, люди в панике начали разбегаться. Пока наши сюда добрались, мы не меньше половины свидетелей упустили. – Она удрученно покачала головой. – СМИ могут не торопиться со своими камерами. Им очевидцы десятки видео пришлют.

Поскольку исправить уже ничего было нельзя, Ева отбросила печальные мысли и перешла за вторую линию оцепления.

Один из полицейских, заметив ее, вышел из толпы и, неуклюже ступая, направился навстречу. Она сразу узнала бывалого вояку и поняла – относительный порядок на месте преступления, несомненно, его рук дело.

– Ферике.

В ответ коп сдержанно кивнул. Он чем-то напоминал бульдога: смуглый, скуластый, ширококостный. Взгляд глаз цвета горького шоколада выдавал в нем выдавшего виды бойца, готового к любым неожиданностям.

– Страшный бардак.

– Доложите вкратце.

– Первый звонок из дежурной части поступил около два-

дцати минут четвертого. Я как раз новичка «выгуливал» — мы с ним пешком патрулировали Шестую авеню. Я сразу отправил его организовывать оцепление, чтоб посторонние сюда не попали. Но весь-то проклятый парк не оцепишь.

— Значит, вы первыми прибыли на место?

— Да. Когда я сюда добрался, уже начали подъезжать спасатели и копы, а вот народ разбежался. Пришлось подключить службу охраны парка, чтобы хоть кого-нибудь перехватить. Есть раненые. С мелкими травмами справился здешний медперсонал, но у нас и посерьезней ранение — у малыша лет шести сломана нога. Еле удалось выпытать у одного из свидетелей, что с ним произошло. Коротко говоря, первая жертва столкнулась с семьей малыша, и при падении у ребенка случился перелом. Мы записали для вас их контактные данные и номер больницы.

— Пибоди.

— Я занесу эту информацию в протокол, офицер.

Полицейский на одном дыхании выпалил свой доклад, даже не вынимая записной книжки.

— Да уж, уборщикам придется здорово повозиться. Столько народу тут побывало — натоптали, и тела передвигали с места на место. Среди посетителей катка нашлись врач и ветеринар. Они осмотрели раненых и убитых.

Первой жертве выстрелили в спину. Это вон та девушка в красном, — Ферике обернулся, указывая на жертву массивным подбородком. — По поводу того, кто был вторым, по-

казания свидетелей расходятся. У нас двое мужчин. Одного убили выстрелом в живот, второму аж между глаз засветили, черт побери. Похоже, лазер, лейтенант, но вам, конечно, виднее. Свидетели чего только не порасскажут. И про разных подозрительных личностей, и про то, что сюда кто-то нож принес, в общем, как обычно – много всякой чуши.

Последнее замечание было лишним – для того и нужен опыт, чтобы уметь видеть главное и отсекал всякую чушь. Лейтенанту Даллас не просто так звание дали.

– Ясно. Врачей опросили?

– Да. Отвели их в раздевалку. Там же еще парочка сидит – они утверждают, что первыми оказались возле одного из убитых парней. Да, и жену убитого тоже задержали. Она уверена, что в ее мужа выстрелили последним, и я склонен с ней согласиться.

– Пибоди, займись ими, а я поработаю с жертвами. Мне нужны записи камер видеонаблюдения. И поскорее.

– Их уже приготовили специально к вашему приходу, – отозвался Ферике. – Спросите Спичера. Один из охранников. Вроде толковый малый.

– Возьму его на себя, – сказала Пибоди и отправилась прочь, осторожно ступая по льду, дабы не угодить в кровавые следы.

– Вам бы шипы надеть, – обратился Ферике к Еве. – Вон там их целая куча. Не к лицу опытному следователю распластаться посреди катка.

– Продолжайте держать оцепление, Ферике.

– Мы здесь для того и собрались.

Ева прошла к выходу, натянула прихваченную по пути пару «кошек», затем открыла полевой чемоданчик и надела перчатки.

– Эй! Вы тут главная? Кто здесь за главного, черт возьми?!

Она обернулась. Прямо у нее за спиной стоял мужчина лет сорока с красным от злости лицом в плотном белом свитере и темных обтягивающих брюках.

– Я.

– Вы не имеете права меня задерживать! У меня встреча назначена.

– Мистер...

– Грейнджер. Уэйн Грейнджер. Я знаю свои права!

– Мистер Грейнджер, видите, вон там трое лежат?

– Конечно, вижу.

– Их права для нас сейчас важнее.

Ева отвернулась и прямо по льду направилась к первой жертве. Мужчина еще долго кричал ей вдогонку что-то про полицейский режим, грозил судебными исками, но Ева, склонившись над девушкой в красном (ей явно было не больше двадцати), не обращала на крики ни малейшего внимания.

Под телом расплылась алеющая по краям лужа крови. Девушка лежала на боку, и Ева видела вокруг четко отпечатавшиеся кровавые следы других катальщиков и побывавших

здесь медиков.

Небесно-голубые глаза, уже подернутые дымкой смерти, были открыты и смотрели прямо перед собой. Одна рука запрокинулась и лежала ладонью кверху, утопая в собственной крови.

А тут этот Грейнджер! Встреча у него, видите ли!

Ева села на корточки, открыла полевой чемоданчик и принялась за работу. Даже когда к ней подошла Пибоди, она не сдвинулась с места.

– Жертву зовут Элисса Вайман. Девятнадцать лет. Жила с родителями и младшей сестрой в Верхнем Вест-Сайде. Время смерти – три часа пятнадцать минут. Причину точно установит медицинская экспертиза, но я согласна с Ферике – очень похоже на выстрел из лазерной винтовки. Оба доктора говорят то же самое. А ветеринар в армии служил санитаром – ему приходилось видеть ранения от лазерного оружия. Они ее только бегло осмотрели – сразу понятно, что шансов никаких. Один попытался спасти раненного в живот, другой – того, что с простреленной головой, но все жертвы скончались на месте. Так что медики взялись за раненых.

Ева, кивая, поднялась во весь рост.

– Мне нужны записи с камер видеонаблюдения.

– Вот они.

Ева вставила один из дисков в свой личный компьютер, перемотала запись на три часа четырнадцать минут и начала внимательно наблюдать за девушкой в красном.

– Хороша, – прокомментировала Пибоди. – Я имею в виду – в хорошей форме. Вот набирает скорость и...

Напарница запнулась в тот момент, когда девушка, на мгновение зависнув в воздухе, бесформенной массой обрушилась на лед, столкнувшись с молодым семейством.

Ева снова перемотала запись, еще на минуту назад, и наблюдала за другими катающимися, на чьих глазах все и произошло.

– Люди освобождают ей место, – проговорила Ева себе под нос. – Некоторые любят ее. Оружия нигде не видно.

Она не стала останавливать запись, и вот вторая жертва, отпрянув назад, с широко распахнутыми от неожиданности глазами упала на колени.

Ева вновь прокрутила запись туда-обратно, отмечая время.

– Между выстрелами – меньше шести секунд.

Люди собрались вокруг первой жертвы и столкнувшегося с ней семейства. К месту происшествия бросились охранники. Двое молодых людей, парень и девушка, катавшиеся вдоль бортика и едва державшиеся на коньках, остановились. Парень оглянулся. И снова выстрел.

– Между вторым и третьим – чуть больше шести секунд. Итого три выстрела примерно за двенадцать секунд, три трупа: первую застрелили в спину, второго – в живот, третьего – в голову. Плохи дела. И ни один из выстрелов не был сделан с катка или прилегающей к нему территории. Скажи Ферике,

когда запишет имена и контактные данные свидетелей, пусть отпускает всех, кто дал показания. Кроме медиков и жены третьей жертвы. Всех троих подробно допросить, и свяжитесь с теми, кого назовет жена убитого. Девушку можно отправлять в морг. И нам нужны записи камер наблюдения с постов охраны парка.

– С какого сектора?

– Со всех.

Оставив Пибоди стоять с широко раскрытым от изумления ртом, Ева направилась по льду ко второй жертве.

Разобравшись с телами, она зашла внутрь помещения.

Двое медиков сидели рядышком на скамейке в раздевалке, попивая кофе.

Ева кивком отпустила дежурившую здесь женщину-полицейского и села на скамейку напротив.

– Я лейтенант Даллас. Вы уже давали показания моей напарнице, детективу Пибоди.

Оба кивнули. Тот, что сидел слева, опрятный, гладко выбритый мужчина лет тридцати пяти, сказал:

– Мы ничего не могли сделать для тех, в кого стреляли. Когда мы до них добрались, они уже умерли.

– Доктор?

– Извините, не представился. Доктор Лансинг. Честное слово, я сначала подумал, что девушка... девушка в красном костюме просто неудачно упала. А потом малыш закричал. Я ведь был прямо там... за ними, когда все случилось.

Так что я первым делом попытался подобраться к мальчику. Стал сдвигать девушку, чтобы расчистить себе путь, и тут понял, что ей не больно и она не в обмороке. Потом я услышал, как Мэтт закричал, чтобы все уходили с катка, освободили лед.

– Мэтт.

– Это я. Мэтт Бролин. Я видел столкновение. Девушка прыгнула и с ходу врезалась в ехавшую следом за ней пару с ребенком. Я уже собирался им помочь, как заметил, что еще один парень сначала осел, а затем рухнул на лед. Даже тогда я почему-то не смекнул, что оба падения связаны. Но потом был третий. Я увидел выстрел и сразу все понял. Я санитаром служил. Двадцать шесть лет назад. Такие навыки не теряются. Я понял, что нас намеренно атакуют, и хотел, чтобы люди ушли в укрытие.

– Так вы знакомы?

– Теперь уже да, – ответил Бролин. – Я видел, что третий умер сразу – профессионал стрелял, – и попытался помочь второму. Он тогда еще был жив, лейтенант. Он посмотрел на меня таким умоляющим взглядом! Сложно выдержать такой взгляд. Уверен, парень не собирался давить на жалость – само собой вышло. Нужно было сделать для него все возможное.

– Мэтт заслонил парня своим телом, – вставил Лансинг. – Началась паника, и я уверен, кто-нибудь обязательно бы проехался по нему, но он заслонил его собой.

– А Джек схватил на руки малыша. Родителям, как понимаю, тоже здорово досталось. Правильно я говорю?

– Все случилось так быстро, что они и осознать не успели, как упали, – объяснил Лансинг. – У отца – легкое сотрясение, у матери – растяжение запястья. Жить будут. С малышом тоже ничего страшного, но ему больше всех досталось. У охраны была аптечка. Я дал мальчику обезболивающее. Бригада медиков подоспела минуты через две – молодцы, оперативно сработали. Я пошел помочь Мэтту. Мы попытались реанимировать третьего, но, как вам уже поведал Мэтт, парень умер сразу. Даже упасть не успел.

– Нам оставалось лишь оказывать первую помощь пострадавшим от падения да тем, кто порезался о лезвия коньков, – добавил Мэтт, приглаживая свою всклокоченную седую бородку. – Меня по-настоящему накрыло только после того, как мы уже здесь оказались. Когда работаешь, об этом забываешь.

– Вы о чем?

– О страхе. Ведь ты – открытая мишень и можешь в любую секунду получить пулю в затылок. Кто бы ни был убийца, он действовал профессионально. Кстати, стреляли с востока.

– Откуда вы знаете?

– Это третье убийство у меня на глазах. Я видел, под каким углом стреляли, в каком положении в тот момент был пострадавший. Однозначно с востока. – Мэтт вдруг прищурился, обращаясь к Еве: – А вы ведь уже все знаете.

– Я изучила изъятые у охраны записи с камер видеонаблюдения. Полную картину нам еще предстоит восстановить, но на данный момент я с вами согласна.

– Жена убитого вон там, в офисе, беседует с вашей напарницей. Ее родители приехали только что. – Бролин тяжело вздохнул. – Вот поэтому-то я и решил поступать в ветеринарную академию после армии. С кошечками да собачками возиться полегче.

– Вы и с людьми прекрасно управились. Выражаю вам обоим благодарность за то, как вы сегодня здесь себя проявили. У нас есть ваши контактные данные. В случае необходимости мы с вами свяжемся. Захотите поговорить со мной лично, позвоните в Центральное полицейское управление, спросите лейтенанта Даллас.

– Мы можем идти? – уточнил Лансинг.

– Да.

– По кружечке пива?

– Лучше по две, – ответил Бролин с едва заметной улыбкой.

– Я угощаю. – Лансинг поднялся на ноги. – Люди приходят сюда хорошо провести время в парке, детям устроить небольшой праздник. Или как та девушка – ради удовольствия. На нее так приятно было смотреть! И вот теперь... – Он осекся на полуслове, горестно качая головой. – Да, я угощаю.

Не успели они выйти, как на пороге показались мужчина

и женщина с бейджиками охранников.

– Лейтенант Даллас, я Карли Дин из службы охраны катка, а это – Пол Спичер. Мы можем еще чем-нибудь помочь?

– Кто начальник охраны?

– Я, – маленькая и хрупкая Карли гордо повела плечами. – Люди часто думают на Пола. Он такой мощный! – произнесла она шутливым тоном с натянутой улыбкой.

– Ясно. Нам придется закрыть каток до дальнейших распоряжений.

– Мы об этом уже позаботились. СМИ осаждают линию оцепления, но мы официально им объявили, что каток закрыт, – все как положено. Один из журналистов умудрился добыть мой личный номер телефона, я его заблокировала.

– Продолжайте действовать в том же направлении. И, пожалуйста, не выходите на лед, пока его не расчистят. И сотрудникам своим передайте. Скоро приедут криминалисты. Вы были знакомы с кем-нибудь из жертв?

– С Элиссой. Элиссой Вайман. Она тут каждый день бывала зимой – хотела поступить в профессиональную команду. И вот... – Карли подняла руки, а потом резко уронила. – Хорошая была девушка. Приветливая. Иногда младшую сестренку с собой приводила.

– А я немного знал мистера Майклсона, – добавил Пол.

«Вторая жертва, – подумала Ева. – Brent Майклсон... доктор... шестьдесят три года, разведен, один ребенок».

– Здесь познакомились?

– Он любил покататься. Обычно приходил днем. Каждый второй вторник. Катался не сказать чтобы уж очень хорошо, с Элиссой не сравнить, но ходил регулярно. Время от времени, вечером или в субботу, приводил с собой внуков. Днем ему нравилось кататься в гордом одиночестве. А вот третьего парня я никогда прежде не видел.

Пол бросил выразительный взгляд в сторону офиса.

– Того, чья жена сейчас у меня в кабинете сидит, – добавила Карли. – Там ваша напарница. Хорошо с ней обращается, поддерживает. Мы можем что-нибудь для вас сделать, лейтенант?

– Предоставьте нам еще ненадолго свой кабинет.

– Конечно, сколько понадобится.

– Моя напарница наверняка уже спрашивала, но я повторяю: не замечали ли вы, чтобы кто-нибудь из посетителей проявлял особенный интерес к Элиссе или Бренту Майклсону?

– Ничего подобного. Многие здесь задерживались подольше – посмотреть, как Элисса катается. Время от времени какой-нибудь юнец начинал за ней ухаживать. Но все в рамках приличия. Мы следим за порядком, – продолжала Карли. – У нас редко неприятности случаются. Только если кто-нибудь начнет слишком задаваться, носится и мешает остальным, может произойти конфликт.

– Вечерами тяжелее, но мы справляемся, – пожал плечами Пол. – Вечно какой-нибудь засранец норовит броситься

в драку. Извините за «засранца», – добавил он.

– Не стоит извиняться за засранцев, – покачала головой Ева. – Как только все прояснится, мы вам сообщим. Я бы посоветовала вашему начальству сотрудничать со следствием.

– Да их теперь, начальство то есть, по судам затаскают.

– Такова доля любого начальства, – проговорила Ева, направляясь в сторону офиса.

В кабинете на складном стуле сидела молодая женщина лет тридцати. По бокам ее обнимали еще двое – пожилые мужчина и женщина. Пибоди сидела перед пострадавшей на корточках и мягко с ней беседовала.

Когда Ева зашла в кабинет, Пибоди взяла женщину за руку и сказала:

– Дженни, это лейтенант Даллас.

Дженни подняла полные горя глаза.

– Мы фильм смотрели. Алану он очень понравился. Вы выглядите как в том фильме. То есть как актриса из того фильма. Что же мне теперь делать?!

– Соболезную вам, миссис Маркум. Я знаю, детектив Пибоди уже с вами поговорила, но уделите мне, пожалуйста, еще несколько минут.

– Мы катались. Мы ужасно катаемся. Смеялись сами над собой. Решили весь день провести вдвоем. И вечер тоже. У нас годовщина – пять лет вместе.

Она уткнулась в плечо сидевшему рядом мужчине.

– У них здесь было первое свидание. – Мужчина осекся

и прокашлялся, но Ева уже успела уловить легкий ирландский акцент, напомнивший ей о Рорке. – Я Лиам О’Делл, отец Дженни. А это Кейт Холлис, ее мать.

– Я предложила пойти на каток. Сказала: «Давай будем делать все как тогда – повторим наше первое свидание». Мы оба отпросились с работы. Собирались после катания поесть пиццы – опять же как на первом свидании. Тогда-то я бы и объяснила, почему отказываюсь от вина, хотя в тот раз мы его пили. Собиралась сказать, что я беременна.

– О, детка! – Мама крепко ее обняла. – Моя девочка!

– Я думала, сначала расскажу ему, а потом вместе сообщим вам и родителям Алана. А весь этот день мы хотели посвятить только нам двоим.

Ева, как и Пибоди, присела перед девушкой на корточки, чтобы можно было смотреть ей прямо в глаза.

– Дженни, кто-нибудь еще знал, что вы сегодня будете здесь?

– Моя подруга Шерри и, наверное, ее парень Чарли. Мы дружим парами. Я маме рассказывала. Мы только недавно решили пойти именно сюда. Я настояла. Когда тест на беременность оказался положительным.

– У Алана были враги? Может, он с кем-то повздорил?

– Нет же! Нет! Детектив Пибоди уже спрашивала, и я ей сказала, что нет. Алан – душа любой компании. Он учитель. Мы оба учителя. А еще он помогает тренировать футболистов... и... и работает волонтером в приюте для бездомных.

Его все любят. С чего вдруг кому-то вздумалось причинить ему вред? За что?

– Мы сделаем все возможное, чтобы это выяснить. Можете звонить мне или детективу Пибоди в любое время.

– Не знаю, что мне теперь делать.

– Ступай с мамой. – Лиам наклонился и чмокнул ее в лоб. – Идите домой.

– Папочка...

– Я приду попозже. Обязательно приду.

Он взглянул поверх головы дочери на Кейт. Она, вся заплаканная, согласно кивнула.

– Иди с мамой, дорогая. Я скоро буду.

– Пибоди, – окликнула Ева.

– Пойдемте со мной. Попросим кого-нибудь из офицеров отвезти вас домой. – С этими словами Пибоди вывела мать с дочерью из кабинета, а Лиам остался неподвижно сидеть на месте.

– Понимаете, какое дело: мы с Кейт в разводе. Она второй раз замужем. Уже восемь лет. А может, и все девять? – Он удрученно покачал головой. – Но ведь это пустяки по сравнению с тем, что случилось, правда? – Мужчина поднялся на ноги, снова прочистил горло. – Он был хорошим парнем, наш Алан. Порядочный и надежный молодой человек. Любил мою дочку всей душой. Вы ведь найдете того, кто забрал его у нее, у моей девочки, и кто лишил отца ребенка, которого она носит под сердцем?

– Мы сделаем все возможное.

– Я видел фильм и книгу читал. Про дело Айкоув. Уверен, вы найдете того, кто отнял жизнь у этого прекрасного молодого человека.

Мужчина поспешно вышел из комнаты со слезами на глазах.

Ева села на ближайшее кресло – перевести дух и подождать, пока обстановка немного разрядится. Казалось, горе черной тучей повисло в воздухе.

Собравшись с мыслями, она достала телефон.

– Ловенбаум. – Это был лучший командир спецназа из тех, что она знала. – Мне нужно с тобой посоветоваться.

– Я тут по парку сплетни собираю.

– А я их потом подтверждаю. И мне требуется помощь эксперта.

– Предположим, я смогу ненадолго отлучиться. На катке буду через...

– На каток приходить пока не надо. У меня есть видео с постов охраны. Нужен большой экран. Я тут недалеко живу. Сможешь заглянуть ко мне домой?

– Во дворец Даллас?

– Ну конечно... язвы на здоровье, Ловенбаум.

Он рассмеялся.

– Да, я смогу прийти.

Тут же голос его стал серьезным.

– У меня несостыковка по количеству жертв.

– Их трое. И я подозреваю, это еще не все.

– Если может быть хуже, обязательно будет.

– Потому-то мне и нужен твой совет. Думаю, могут появиться новые жертвы. Я должна сделать официальные уведомления. Сможешь прийти через час?

– Так точно.

– Очень тебе признательна.

Ева отключилась. Минуту спустя вернулась Пибоди.

– Поезжай в больницу. Или лучше проверь сначала, там ли еще малыш со сломанной ногой и его родители. Где бы они ни были, найди их, узнай, что они видели, и подробно опиши. Я сделаю официальные уведомления.

– Я до сих пор собираю видеозаписи с постов охраны. Парк-то большой.

– Разошли мне их домой и в офис. Начнем с секторов к востоку от катка. И себе тоже отправь. Изучите записи вместе с Макнабом. Отмечайте все подозрительное: люди, объекты. Если стреляли с территории парка, нужно искать человека с сумкой или чемоданом.

– Если?

Ева выглянула из кабинета, окинула взглядом пустую раздевалку.

– Готова поспорить, стреляли не из парка. Проверим все здания, выходящие окнами на восток. Начнем с Шестой авеню и будем продвигаться на восток, пока Ловенбаум не скажет, где остановиться.

– Ловенбаум?

– Он придет ко мне обсудить дело. Хочу просмотреть видео с катка у себя дома. Мне там с техникой легче управляться.

– Ловенбаум такой милашка! – Под ледяным взглядом Евы Пибоди втянула голову в плечи. – Мы-то с Макнабом давным-давно вместе, но красоту видеть не запретишь. Да и мой внутренний радар прекрасно работает. Стоит признать, радар мой здорово на него среагировал.

– Милашками обычно детей и щеночков называют. Если ты пытаешься причислить его к той же категории, спешу напомнить, что он довольно суровый мужчина.

– Абсолютно согласна. Я продолжу собирать видео и попробую разузнать, что там с малышом и его родителями, – не закончив фразы, Пибоди начала разматывать свой длинный шарф. – Нам горы свидетельских показаний разгребать, помимо всего прочего.

– Принимайтесь за первые десять, я возьму на себя остальные. Посмотрим, удастся ли найти еще связь между жертвами, кроме посещения катка. Будем надеяться, что удастся. Если они окажутся просто случайными незнакомцами – плохи наши дела.

Выйдя из офиса, Ева окинула взглядом уборщиков, расчищавших место происшествия, и посмотрела на восток.

И снова у нее промелькнула мысль, что тремя жертвами дело не ограничится.

«Сложно сказать, – думала Ева, возвращаясь домой после затянувшегося рабочего дня, – что тяжелее: уведомлять семью погибшего лично или по телефону». Как ни крути, своим сообщением она только что «разделила» жизнь людей на две части. С родителями Элисы Вайман Ева встретилась лично, а вот дочери Брента Майклсона, улетевшей по делам в Филадельфию, пришлось сообщить печальную новость по телефону.

Она знала: их жизнь никогда не будет прежней. Смерть наложила свой отпечаток. А то, что это были убийства, лишь делало утрату еще горше. Приходилось отгонять печальные мысли – они застят сознание, мешают сосредоточиться.

Ни врагов, ни угроз, ни конфликтов. Никаких оскорбленных бывших партнеров. И большим капиталом, которому можно было бы позавидовать, никто из убитых не обладал. Как выяснилось, все три жертвы – самые обычные законопослушные граждане.

Просто оказались не в том месте не в то время.

Но почему эти трое? Да к тому же двое из них – постоянные посетители катка. Почему из толпы катающихся именно они?

Ева напомнила себе, что на все всегда есть причина. Даже если поначалу она кажется абсолютно идиотской.

Перебирая в голове все возможные причины, она въехала в ворота и покатила к дому по извилистой подъездной дорожке.

Вдруг ей вспомнилось язвительное замечание Ловенбаума.

Дворец Даллас? Вот, значит, как коллеги его называют.

Скорее он напоминал замок (разве замок и дворец – одно и то же?), особенно когда первые лучи ярких зимних звезд отражались от его массивных каменных стен. Дом был окружен башнями и башенками и на фоне простиравшегося вокруг снежного полотна, на котором то тут, то там блестели заиндевевшие кроны деревьев, казался перенесенным сюда из другого времени.

Или, точнее, из другого мира.

На самом деле это было творение Рорка – его личная крепость в сердце города. Сначала дом поразил Еву и даже напугал своей внушительностью. Не сразу смогла она к нему привыкнуть. Но теперь... теперь он стал родным гнездом.

Где для нее всегда горит очаг, где любимый мужчина одним взглядом мгновенно дает ей почувствовать, как много она для него значит, где кот, встречая, приветливо трется о ноги хозяйки.

«И где Саммерсет маячит в полумраке передней, словно вурдалак», – подумала Ева, останавливаясь у центрального входа.

Он будто нарочно ждал, когда она войдет и оставит на вы-

чищенном до блеска полу следы своей перемазанной в крови и глине обуви. И, откровенно говоря, такое частенько бывало. Но сегодня – исключено.

Ева на всякий случай осмотрела ботинки, выходя из машины.

Сегодня ей некогда препираться с дворецким.

Не успела она переступить порог, как он тут как тут – поджарый, в темном костюме, с каменным лицом. У его ног прилежал дородный кот.

– Даже и не думай что-нибудь сказать, – с ходу произнесла Ева, предваряя наверняка уже заготовленную колкость. – Ко мне коп зайдет. Ловенбаум. Пусть сразу поднимается.

– А гость останется на ужин?

Она уж решила, что елейный тон – явный признак капитуляции, однако сам вопрос ее смутил.

– Я...

Сколько же, черт возьми, времени? Ева усилием воли подавила желание взглянуть на часы. Такого удовольствия она ему не доставит.

– Это не гость, а полицейский. Он зайдет по делу.

Чтобы немного успокоиться, она прошла мимо кота, тут же начавшего тереться о ноги, легким движением плеча сбросила пальто и оставила его на перилах лестницы.

– Конечно.

Не обращая больше внимания на дворецкого, Ева в сопровождении кота поднялась вверх, в свой кабинет. И рез-

ко остановилась, увидев там Рорка. От одного взгляда на него сердце замирало, а потом начинало неистово колотиться. Они женаты больше двух лет. «Разве не пора бы страсти поутихнуть?» – подумала Ева. Разве не это провозглашалось в ее неписаном «семейном кодексе»?

Однако такие красавцы, как Рорк, словно созданы, чтобы нарушать все правила. Невероятно привлекательное лицо, осененное блеском пронзительных голубых глаз ирландского божества; идеально очерченный рот античной статуи. Темные шелковистые волосы (мягче, чем голос Саммерсета) забраны в строгий пучок. Какой же он высокий и стройный! Весь в черном. Ни пиджака, ни галстука. Рукава рубашки закатаны до локтя.

Значит, давно пришел. Работает.

Да, мимолетного взгляда на мужа хватало, чтобы все правила развеялись как дым, а сердце перестало биться. На один короткий миг их глаза встретились, и сердце Евы уже готово было выпрыгнуть из груди.

Любовь жила в глубине этих прекрасных голубых глаз. Вот так просто. И так мучительно.

– Ты как раз вовремя, – произнес Рорк с легким ирландским акцентом.

– Я... ты о чем?

Он молча протянул ей руку.

Ева подошла ближе, и он одним движением обнял ее. Умелые руки заскользили вверх по ее спине, а губы их сли-

лись в нежном поцелуе.

«Я дома», – снова подумала Ева, и события последних часов тяжелой волной схлынули с плеч. Она крепко обняла Рорка, прильнула к нему всем телом. Ева знала: здесь она может быть нежной и слабой и при этом не потерять достоинства.

– Новое дело наклюнулось? – еле слышно прошептал муж. – Убийства на Уоллмен-Ринк? В новостях передавали. Я сразу подумал, оно тебе достанется.

– Да. Я только что оповестила родителей первой жертвы и ее четырнадцатилетнюю сестру. Они совершенно раздавлены горем.

– Самая тяжелая часть твоей суровой работы. Мне очень жаль, что тебе приходится этим заниматься.

– Мне тоже.

Рорк слегка приподнял ее лицо, нежно поцеловал в лоб.

– Ты мне все подробно расскажешь. Может, для начала бокал вина? Знаю, потом будет много кофе, но сейчас-то у нас есть чуть-чуть времени расслабиться.

– Боюсь, почти нет. Ловенбаум вот-вот приедет. Хочу, чтобы он посмотрел видео с камер охраны. Мне нужен его совет. Он ведь спецназовец, – стала объяснять Ева.

– Да, я хорошо его помню. Он в прошлом году помогал расследовать дело террористической организации «Красная лошадь». А почему именно он?

– Лазерная винтовка. По одному выстрелу на каждую

жертву. Все трое умерли на месте. Думаю, стреляли не с территории Центрального парка, а откуда-то извне.

– Хм, не из парка, значит? Ясно.

Рорк умел понимать ее с полуслова, и это освобождало от долгих и ненужных объяснений.

– Возможно, одна из жертв была намечена, остальные – прикрытие. А может, мне удастся выявить связь между всеми тремя. Но... – Ева удрученно покачала головой. – Теперь нужно составлять схему расследования и заводить дело.

– С этим я могу тебе помочь.

– Да, спасибо. Может, ты бы... – Она вдруг резко обернулась, и сердце снова замерло в груди. Правда, на сей раз от ужаса.

С экрана настенного монитора на нее смотрело изображение какого-то жуткого безобразия в розово-фиолетовых тонах. Комната. Розовые стены усеяны фиолетовыми завитками. Дальше – хуже. Посередине – нечто похожее на диван странной изогнутой формы. И снова фиолетовые завитки на розовом фоне. Сверху – гора подушечек всех возможных и невозможных цветов, размеров и форм. И на каждой – бахрома.

Под углом к этому шедевр стоял стул. Тоже розовый, в зеленый горох. А из спинки веером торчали самые настоящие перья, разукрашенные всеми цветами радуги.

У окна, тоже весь утыканный перьями, возвышался яркий, блестящий зеленый стол. Перед ним – еще два розовых

стула. В фиолетовый горох. А на столе красовалась огромная ваза со странными цветами.

Сердце Евы снова робко забилося, но екнуло при виде изогнутой полумесяцем рабочей зоны нежно-розового цвета с фиолетовой каймой.

– Только не говори, что это настоящая комната.

– Шармейн спроектировала. Пошутить решила. – Рорк придвинулся ближе, взял в ладони лицо Евы. – И мы бы с тобой вместе от души посмеялись над этой шуткой, если бы у тебя голова не была занята убийствами.

– Хм, шутка, значит.

– Она нарочно изобразила полную противоположность тому, что тебе бы хотелось видеть в своем кабинете после ремонта.

– Так это противоположность?

– Полная. Скажу больше: когда она отправляла этот эскиз с тремя настоящими, добавила, что шок от первого должен смягчить восприятие всех остальных. – Муж улыбнулся и нежно провел пальцем по ямочке у Евы на подбородке. – Это займет всего минутку. Давай быстро пролистаем остальные. Одним глазком посмотрим. И тебе потом в случае чего не придется упрекать меня, мол, я уговорил, а ты смотреть теперь не можешь...

– Ты бы при всем желании не смог на такое меня уговорить. Но я не знаю...

– Компьютер, открываем проект номер один. Мы же усло-

вились: твой кабинет – тебе и решать, как его переделать.

Ева уже намеревалась поспорить, однако взглянула на картинку и умолкла. Приглушенные тона, простые линии. Особенно ее впечатлила большая и просто сногшибательная рабочая зона.

– Ни капли розового. Ни пера, ни оборки, – прокомментировал Рорк. – Открываем проект номер два.

Здесь цвета были ярче или скорее насыщеннее. Несколько закруглений, плюшевые сиденья. Впрочем, все в меру и совсем не раздражает.

– И проект номер три.

Нечто среднее между первым и вторым. Приглушенные тона, более плавные очертания мебели.

– Так-то лучше?

– Еще бы! После розового кошмара...

– Рассмотрю их попозже, когда голова не будет забита.

– Хорошо. Сверни, пожалуйста, картинку. Кто-то идет. Наверное, Ловенбаум.

Рорк прекрасно понимал: его жена-коп будет страшно раздосадована, если другой коп застанет ее за разглядыванием дизайна интерьера. Он закрыл изображения, а Ева направилась к двери встречать гостя.

– Лейтенант Ловенбаум, – объявил Саммерсет и попятился обратно за дверь.

Коллега вошел, улыбаясь во все тридцать два зуба. Он по-прежнему казался ей суровым, но вспомнился радар Пибо-

ди, и Ева решила присмотреться.

– Да уж, слов нет! Шикарный дом! – Ловенбаум огляделся, подмечая каждую мелочь своими светло-серыми глазами. – Тут и потеряться недолго. Бывает с вами такое?

– Иногда.

– Так я и думал. Приветствую, Рорк.

– Здравствуйте, Ловенбаум.

– Я сама только вошла, – сказала Ева. – Еще ничего не подготовила.

– Не торопись. А это кто у нас такой? – Ловенбаум присел и стал гладить настороженно кравшегося за ним следом кота.

– Галахад.

– Да-да. Я о нем наслышан. Тот самый кот, который отвлек напавшего на тебя ублюдка. Здорово тебе тогда досталось.

– Ты знаешь эту историю?

– Говорят, ты действующего сенатора на рабочем месте скрутила. А у котика-то глаза разноцветные. Грозный зверь.

– Он умница, – ответила Ева.

– Я-то больше собак люблю, но кот и правда замечательный. – Ловенбаум поднялся во весь рост. – Приступим к делу?

– Хотите пива или бокал вина? – обратился к нему Рорк.

– Мы вообще-то работать собираемся, – нахмурилась Ева.

– Думаю, бокал пива вам не повредит. Ловенбаум, что скажете?

Коп смущенно улыбнулся. На щеках у него показались

ямочки.

– От одного бокала я бы не отказался.

– У нас как раз новенькое сегодня. Помощник шерифа Баннер прислал, как договаривались, – обратился Рорк к Еве. – Сами варят. Семейная пивоварня.

– Коп из Арканзаса, – пояснила Ева Ловенбауму. – Помог нам задержать одну кровожадную парочку.

– И про это дело я тоже слышал. Так давайте выпьем домашнего пива и посмотрим, что там у вас...

– Секунду. – Ева подошла к столу, а Рорк отправился в располагавшуюся по соседству кухню.

– Записи с камер охраны катка. Пибоди собирает их со всего парка, но на этом кусочке четко видны все три выстрела.

Она вставила диск, махнула в сторону настенного монитора:

– Я сейчас запущу видео. Как остановлю запись, смотри на экран. Видишь девушку в красном?

– Ее трудно не заметить. Красавица. И катается мастерски.

– Каталась.

Ловенбаум кивнул, не отрываясь от видео, а Элисса в это время на экране сделала свой последний прыжок. Когда последовал второй выстрел, а затем и третий, лейтенант прищурился.

– Прокрути еще раз помедленнее.

Рорк вернулся с тремя бокалами пива. Он приостановился, взглянул на экран.

– Хорошо. Теперь увеличь картинку во время третьего выстрела, точнее, лучше за несколько секунд до, и еще немного замедли.

Ева сделала увеличение, замедлила скорость. Вдруг ей показалось, что на экране промелькнула слабая вспышка. Она даже прищурилась от напряжения.

– Гнездышко вашего убийцы находится к востоку от катка. А какая точность! Это не просто удачное совпадение. Он хорошо натренирован. С востока и сверху стреляли.

– Сверху?

– Медэкспертиза подтвердит. Надеюсь, я еще не совсем того. Спасибо, – обратился он к Рорку, принимая бокал. – Я сильно удивлюсь, если на видео с камер охраны удастся обнаружить что-то особенное. Если кто-то решит залезть с винтовкой на дерево, его сразу заметят даже на оживленной улице. И в любом случае, мне кажется, снайпер сидел выше. Отмотайте назад. Посмотрим еще раз.

– Кажется, я видела вспышку, красную... искру.

– Луч. Извините, – добавил Рорк.

– Нет, вы правы, – согласно кивнул Ловенбаум, не отрываясь от монитора. – Лазерная винтовка испускает луч. Он очень быстро распространяется, поэтому трудно различим. Отнеси запись в лабораторию. Эксперты подчистят изображение – будет четче видно. Вот тут останови-ка.

Ева нажала на «стоп». Картинка замерла.

– Да, вот он. Вижу. И угол могу точно определить. Выстрел был с востока и сверху.

– По-моему, даже если этот ублюдок залез на самое высокое дерево в парке, стрелял он из тактической лазерной винтовки.

– Какова их предельная дальность?

– Зависит от типа винтовки, ну и, естественно, от того, кто стреляет тоже. Если предположить, что наш снайпер хорошо натренирован и оружие у него новое... мили полторы-две, а то и больше.

– Такое оружие только полиция да военные имеют право использовать. В первой попавшейся лавочке не найдешь. Может, черный рынок – с рук у торговца купил. Но стоить будет нехило.

– Двадцать с лишним кусков запросто, – подтвердил Ловенбаум. – Даже лицензированному коллекционеру было бы трудно добыть такую официальным путем.

– Да, заморочек много, – проговорил Рорк, – но все же это осуществимо.

Ева обернулась к нему:

– У тебя ведь есть такая.

– Вообще-то, три. Винтовка Stealth-LZR...

– У вас есть LZR? – Глаза Ловенбаума засверкали, как рождественская елка. – Первая ручная лазерная винтовка... импульсного действия. Выпускалась с двадцать первого по

двадцать третий год. Тяжелая, громоздкая, но умелый стрелок мог бы с легкостью попасть в десятицентовую монету с расстояния мили.

– Ну, с тех пор они здорово улучшились. У меня есть модель Tactical-XT – ваши ребята ими пользуются – и Peregrine-XLR.

– Да ладно! – Ловенбаум порывисто обернулся к Рорку: – Что, правда у вас есть Peregrine?

– Ну да.

– Эти штуковины поражают цель с расстояния в пять миль. В умелых руках, может, и дальше. Их только в прошлом году выпустили. И то исключительно для военных. Как вы... – Ловенбаум осекся, хлебнул пива. – Не мое дело... я понимаю. Меньше знаешь – крепче спишь, да?

– Все законно, – заверил его Рорк. – Пришлось, конечно, кое с кем договориться, но по документам все чисто.

– Очень хочется посмотреть...

– Без проблем.

– Правда?

– Как считаешь, мог наш снайпер таким воспользоваться? – вмешалась Ева.

– Если бы... тогда ему впору было бы из королевского дворца стрелять. Не терпится взглянуть на это чудо!

– Вам бы все в игрушки играть... Ладно уж.

– Давайте поднимемся на лифте, – предложил Рорк, жестом указывая дорогу.

– Тебе тоже не помешает взглянуть, – сказал Ловенбаум Еве. – Калибр сравнишь.

– Я видела твоё служебное оружие, Ловенбаум. Да и самой довелось пару раз стрелять из лазера.

– Скорее всего, ваш стрелок пользуется тактической винтовкой. – Ловенбаум последним зашел в лифт. – Три точных попадания за такой короткий промежуток времени... Вы имеете дело с хорошо обученным мастером, умеющим профессионально обращаться с дальнобойной лазерной винтовкой.

– Кто-то из правоохранительных органов или военный. Может, в отставке. Плюс я добуду список всех официальных коллекционеров.

Ева в задумчивости сунула руки в карманы. Двери лифта тем временем распахнулись, и троица оказалась у массивных, снабженных особым защитным механизмом дверей оружейной комнаты Рорка.

Он поднес ладонь к пульту управления.

Когда открылись двери, Ловенбаум присвистнул, словно перед ним вдруг предстала обнаженная красавица.

Что и неудивительно: коллекция Рорка являла собой воплощение всей истории оружейного дела. Чего тут только не было: палаши, пневматические пистолеты, тонкие серебряные рапиры, мушкеты, револьверы, булавы, бластеры, пулеметы, боевые ножи.

В стеклянной витрине красовались образцы веками со-

вершенствовавшихся орудий убийства.

Ева дала коллеге минуту – побродить, поудивляться.

– Вы с Рорком потом еще успеете наиграться со всеми этими колюще-режуще-стреляющими причиндалами. А сейчас надо делом заняться. – Она махнула на стенд с лазерным оружием.

Рорк отключил сигнализацию, отодвинул стекло и достал заветную винтовку Peregrine.

Ева никогда прежде не видела ничего подобного и, если быть уж совсем откровенной, с удовольствием опробовала бы это чудо-оружие, однако, когда Рорк протянул винтовку Ловенбауму, и бровью не повела.

– Заряжена?

– Нет, нет. Что вы... Не положено, – улыбнулся Рорк.

Ловенбаум со счастливой улыбкой поднес оружие – черное, как сама смерть, гладкое и скользкое, будто большая змея, – к плечу.

– Облегченная. Наши тактические винтовки весят до пяти целых трех десятых фунта. Да еще восемь унций, если оптический прицел использовать. И запасная батарея три унции. А эта на сколько потянет? Небось фунта три с небольшим?

– Три целых две десятых. Можно синхронизировать с КПК или использовать инфракрасный порт. – Рорк вынул ручной коммуникатор размером с ладонь. – Вот эта штука ловит сигнал на расстоянии в пятнадцать миль. Заряда батареи хватает на семьдесят два часа. Но меня предупредили,

что, если работать без перерыва, через сорок восемь часов начнет нагреваться. Заряжается меньше двух минут.

Ловенбаум опустил винтовку, покрутил ее в руках.

– Уже испробовали?

– Да. Есть отдача. Мне сказали, это вполне нормально – так уж она устроена.

– Куда-нибудь попали?

– Только в искусственную мишень. На милю с четвертью стрелял. Дальше не получалось.

Ловенбаум с явной неохотой вернул оружие Рорку.

– Красавица. Но в вашем случае, скорее всего, вот из такой стреляли. – Он махнул в сторону витрины, где был выставлен более массивный экземпляр. – Тактическая винтовка. Выпущена специально для полицейских и военных нужд. За последние пять-шесть лет они почти не изменились. Думаю, вероятнее всего, это личное оружие. Служебным не так-то просто воспользоваться, его положено сдавать после каждой командировки. И, учитывая промежуток времени, за который были произведены выстрелы, вероятней всего, снайпер воспользовался какой-нибудь опорой – двуногой или даже триподом. Все жертвы были в движении. А первая к тому же развила высокую скорость. Если стрелять, скажем, с расстояния в милю, луч поразит жертву через две с половиной секунды. Нужно принимать во внимание скорость ветра. И, по-видимому, с этим справились мастерски.

– Такой выстрел нужно точно планировать – учитывать

расстояние, скорость ветра, угол наклона... скорость движения жертвы. — Ева согласно кивнула. Становилось понятно, что стрелок какое-то время наблюдал за своими жертвами, оценивал их относительную скорость.

— Мне ни разу не приходилось пользоваться подставкой, ну, или если только во время учений. Сколько она может весить? Большая?

— Пару фунтов. И ножки опускаются до земли.

— А винтовка разбирается?

— Конечно. — Ловенбаум взглянул на Рорка: — Могу показать.

Рорк протянул ему оружие.

Ловенбаум проверил датчик заряда, убедился, что винтовка разряжена, однако перевел выключатель на минимальную мощность.

— Безопасность прежде всего.

Затем повернул маленький рычажок и ловким движением рассоединил ствол, зарядное устройство и прицел. Каких-то десять секунд, и винтовка была разобрана на четыре небольшие части.

— В таком виде она поместится в самый обычный чемодан, — заметила Ева.

— Верно. Но тот, кто ценит свое оружие, будет хранить его в специальном чехле с отдельными отсеками для каждого фрагмента.

— В государственное учреждение с таким не пройдешь. В

музей или еще какое-нибудь общественное здание. Охрана задержит.

– Безусловно, – кивнул Ловенбаум.

– Значит, скорее всего, многоквартирный дом, отель, магазин или какое-то арендованное помещение.

Размышляя, она ходила взад-вперед по комнате, а Ловенбаум тем временем заново полностью собрал винтовку.

– Кто из лаборатории лучше всех проводит реконструкцию? – спросила Ева.

– Дикхэд, – ответил Ловенбаум.

– Да брось! Прямо так уж он хорош?

Неспроста тут имя главного лаборанта вспомнили.

– Ну да. Вы его уволили, так что обратиться к нему за помощью не получится.

– Своего решения я не отменю. Спасибо за подсказку.

– Не стоит, потому что, если я не совсем еще сбрендил, вы имеете дело с ДСУ, Даллас.

– ДСУ?

Ева обернулась к Рорку:

– Серийный убийца, стреляющий с дальнего расстояния.

– Копы, – процедил тот. – Никто другой бы не додумался с ходу такое сокращение выдать.

– И не пришлось бы его выдумывать, если бы люди не были такими отморозками в большинстве своем. Кто-нибудь из твоих знакомых смог бы сделать три настолько точных выстрела?

Ловенбаум шумно выдохнул.

– Я бы мог. Пара ребят в моей команде тоже справились бы. Понимаю, вам нужно их проверить, но это ни к чему. Я и еще нескольких человек знаю... список составить, черт побери? Понимаешь, что я имею в виду? То, что эти парни смогли бы выстрелить, не значит, что они бы это сделали.

– В любом случае имена знать не помешает.

– А еще это мог быть профессионал, Даллас. А уж тут ты и сама без моей помощи список можешь составить.

– И обязательно составлю. Но кому придет в голову нанимать профессионального киллера, чтобы убить студентку, подрабатывающую в местной кофейне, акушера-гинеколога и школьного учителя истории?

– Люди напрочь отморожены, – напомнил Ловенбаум.

– Это да.

– Ты ведь расследованием убийств занимаешься. Вот и делай свое дело. А я займусь тактической стороной вопроса. Это мой профиль. Три таких метких выстрела? – Он покачал головой, на лице его появилось выражение восторга и беспокойства одновременно. – Наш стрелок сейчас очень собой гордится.

– И захочет вновь испытать это чувство.

После ухода Ловенбаума Ева принялась за схему преступления. Повесила доску, села перебирать заметки и наблюдения.

– Сначала поешь, – категорично заявил Рорк.

– Да. Мне все равно что.

– Твое любимое жаркое. – Он буквально силой стащил Еву со стула. – Можешь есть и думать одновременно. И рассказывать мне обо всем, что тебе известно, ну и о своих догадках.

Такое предложение помогло ее уговорить. Да и жаркое пахло просто изумительно.

– Знаешь, перед тем как меня отправили на это дело, я сидела у себя в кабинете, мечтала провести тихий, уютный вечер дома. Выпить вина, поужинать, посмотреть фильм, сексом заняться.

Рорк пододвинул ей стакан воды, знал – следующие несколько часов жена литрами будет поглощать кофе.

– Ну, мы сможем выкроить немного времени между делом и для чего-нибудь приятного, да?

– Девушку звали Элисса Вайман. У меня на ее счет сразу появилось нехорошее предчувствие, а записи камер видеонаблюдения только подтверждают мои догадки. Ведь как она приземлилась... Ее же явно отбросило ударной волной. И никто на катке при этом не заметил никаких отблесков от лазерного луча. Да такого быть не может! А уж коп-то явно должен бы разглядеть... Но я пересмотрела запись по секундам – и ничего. Предложи мне кто-нибудь поспорить, что я сумею распознать, откуда исходили выстрелы, я бы на себя не поставила.

Он потянулся к Еве, накрыл ее ладонь своей.

– А я бы поставил.

– Да, но ты состоятельный человек и равнодушен ко мне. Надеюсь, Ловенбаум поможет сузить область поисков, но даже тогда...

Она удрученно покачала головой и начала есть. Жаркое оказалось не только ароматным, но и очень вкусным. Каждый кусочек.

– Ну, а девушка... девятнадцать лет, жила с родителями. Семья среднего класса. На момент гибели в отношениях не состояла. Бывший парень учится в колледже во Флориде. Неприязни друг к другу они не испытывали. С год пытались поддерживать отношения на расстоянии, потом пути разошлись, и они расстались, впрочем, общались по-приятельски. Элисса время от времени ходила на свидания, но ничего серьезного у нее не завязалось. Каталась в свое удовольствие, надеялась попасть в профессиональную команду. Начала в восемь лет и на всю жизнь заболела этим видом спорта. Была постоянной посетительницей катка. Так что у меня есть все основания считать ее намеченной жертвой.

– Она выделялась из толпы, – заметил Рорк. – Изяществом, привлекательной внешностью.

– Да. Чего не скажешь о первом из мужчин. Брент Майклсон. Внешне самый обычный человек. Ничего примечательного. Но он тоже регулярно приходил кататься. Не так часто, как девушка, но тем не менее. Разведен, правда, много лет

назад. Поддерживал приятельские отношения с бывшей женой, был близок с дочерью. Настолько, что они все вместе собирались за одним столом в доме бывшей жены на праздники и дни рождения. Ни конфликтов, ни истерик. Любил время от времени приводить с собой внуков. Он катался годами, но без фанатизма. Говорил, это помогает держать форму и снимает эмоциональное напряжение.

– А последний? – спросил Рорк. – Тот, что погиб, держа жену за руку.

– Какой ты внимательный! Запоминаешь детали. У них сегодня годовщина. Пять лет вместе. Решили воссоздать свое первое свидание. Кое-кто из близких знал, что они собирались пойти на каток, но, насколько мне удалось выяснить, немногие. Для них это было очень личное событие. Хотя точное время парочка не оговаривала.

– Значит, третий парень тебе кажется случайной жертвой. В общем-то, возможно, все трое случайные... но ты думаешь, что он – наверняка. Если целенаправленно хотели убить одну из жертв, выходит, двое других послужили прикрытием, а иначе получается, в них стреляли наобум.

– Одно из двух. Но я очень надеюсь, что двое все же были прикрытием, потому что тогда дело у нас в кармане. Скорее всего. Ловенбаум ведь говорит, убийца сейчас очень воспрянул духом. Скажу больше: если жертва была специально намечена, я смогу вычислить, кто это сделал и почему, но если во всех троих стреляли без разбору...

– А если так, то почему именно на катке?

Рорк рассуждал как истинный коп. Ева не стала говорить об этом вслух, чтобы не обидеть мужа. Ведь он так ей помогал!

– Большое скопление народа, шумиха в СМИ – весомые мотивы для серийного убийцы. Может, с ним случилось что-то плохое на этом катке. Жена, подружка или друг именно там его бросили. Может, он раньше и сам катался, получил травму и поэтому злится на всех, кто способен стоять на коньках.

Ева умолкла в глубокой задумчивости. Уж слишком много тут возможных вариантов.

– Она беременна. Жена третьей жертвы. Только-только об этом узнала. Даже не успела ему сообщить. Хотела обрадовать сегодня на романтическом ужине.

Рорк вздохнул в ответ.

– Вот так всегда. Словно камушек в воду бросаешь, правда? Рябь кругами. Всегда приходится думать не только и не столько об ушедшем в мир иной, сколько об оставшихся.

– Отец у нее ирландец. Акцент как у тебя, только чуточку сильнее. Думаю, они с бывшей женой сохранили цивилизованные отношения, но праздники вряд ли справляют вместе. Тем не менее в трудную минуту смогли сплотиться, чтобы поддержать дочь. И он... отец... отозвал меня в сторону на минуту – поговорить о зяте. По нему было видно, что он любит молодого человека.

Это очень важно, – продолжила Ева, протягивая руку за стаканом воды, – потому что я в последнюю очередь стала бы его рассматривать как специально намеченную жертву. Если на двух других еще можно подумать, то этот... вряд ли. Просто вспомнилось вдруг.

– Тебе просто так ничего не вспоминается, дорогая.

– Девушку в красном застрелили первой. На нее трудно было не обратить внимания, как уже сказал Ловенбаум. Почему бы сразу не убрать намеченную жертву? Чтобы быть уверенным, что выполнил свою работу. Это первое, что хочется предположить, но потом я думаю: каким же надо быть самонадеянным ублюдком?! Нет, для того, кто способен на такое серьезное преступление, кто занимается таким темным делом, это было бы чересчур дерзко.

– Значит, по-твоему, настоящая жертва должна быть посередине: один случайный труп до, один – после.

– А может, и еще есть.

– Чем я могу помочь?

Ева окинула его взглядом.

– Ты ведь работал, когда я пришла.

– Вообще-то, нет. Я как раз закончил дела, и мне прислали фотографии с дизайном. Я их уже во второй раз просматривал, когда ты вернулась. Я свободен.

Рорк снова взял ее за руку.

– Мне очень жаль вдову, родителей и всех-всех родственников погибших. Но девушка в красном... до сих пор стоит

перед глазами. Как она радовалась... как легко порхала над катком. Кто-то посмел навсегда прервать ее веселье. Я хочу помочь тебе найти того, кто это сделал.

«Дома, – снова подумала Ева, – можно прильнуть к родному плечу и не потерять при этом собственного достоинства».

– Узнать бы имена коллекционеров тактических винтовок. Ловенбаум считает, скорее всего, стреляли именно из такой. На самом деле меня интересуют владельцы любого оружия, из которого можно было бы совершить такие меткие выстрелы с дальнего расстояния.

– Слишком просто. Дай-ка мне задание посложнее.

– Хорошо. Нужна помощь со зданиями к востоку от парка. Скажем, между Пятьдесят седьмой улицей и Шестьдесят первой. Все дома по пути к набережной. Часть отсеется в ходе общей проверки. Большой список получится. Как сказал Ловенбаум, искать нужно выше четвертого этажа. Если его команда сможет поточнее определить, под каким углом стрелял снайпер, область поиска сузится и мы сможем ее тщательно обследовать.

Ева съела еще немного жаркого, потом вдруг резко вскинула голову:

– Сколько приблизительно из них принадлежит тебе?

Рорк с улыбкой поднял свой бокал.

– Пусть это будет сюрпризом.

Рорк отправился к себе в кабинет, находившийся тут же за

стеной, а Ева приступила к рутинной следовательской работе. Хотя, надо отметить, монотонностью в привычном смысле слова ее работа никогда не отличалась. Ева проверила личные данные жертв, свидетелей, персонала катка, прокрутила в голове все возможные причины случившегося.

Она завела дело, подробно описала произошедшее. Перечитала свой текст, добавила еще пару слов, а затем откинулась в кресле с чашкой свежесваренного кофе и, закинув ноги на край стола, стала изучать схему преступления.

Одна и та же мысль по-прежнему не давала ей покоя: почему только три жертвы? Судя по скорости и меткости выстрелов, убийца мог бы за считанные минуты уложить дюжину человек, а то и больше. Если, что характерно для ДСУ, основные мотивы – паника и страх, почему он убил только троих?

И почему именно этих троих?

Девушка в красном – уж очень яркая мишень. Не исключено, что она и была намеченной жертвой. Однако яркий цвет костюма, юный задор, ловкость, скорость и изящество, с которыми она кружила по катку, говорили в пользу того, что ее убили незапланированно.

Третья жертва, молодой влюбленный. Эта парочка нечасто приходила на каток. Об их планах в тот день знали только самые близкие.

Скорее всего – тоже случай.

А вот второй по счету... Акушер. Постоянный посети-

тель. Всегда приходил кататься в определенное время, в определенные дни недели.

Если кого-то из троих и планировали убить, Ева склонялась к тому, что это Брент Майклсон.

Но была ли вообще намеченная жертва? Вот в чем вопрос.

А что, если стреляли наугад?

Она поднялась и, не выпуская чашку из рук, стала ходить вдоль доски со схемой преступления, внимательно изучая положение тел убитых.

Но тогда почему только трое?

– Компьютер, включи видео с камер наблюдения. За минуту до сцены убийства.

Запрос обрабатывается...

Облокотившись о стол, Ева снова изучила посетителей катка, отметила, как вели себя все три жертвы. Потом был первый выстрел, второй и третий.

Некоторые очевидцы, не сообразив, что произошло, еще продолжали кататься и оказывались совершенно не защищены от возможной атаки. Другие запаниковали и беспорядочной толпой бросились к выходу. Некоторые даже попытались перелезть через забор. Опять же идеальные живые мишени. Вот показались «два добрых самаритянина» – врачи. Их было бы убить гораздо проще, чем злополучную троицу.

Разумеется, такое событие не может укрыться от общественности. СМИ вмиг растрезвонят новость, первые полосы газет несколько дней будут пестреть устрашающими заго-

ловками, ну и появится прекрасный повод для сплетен. По-страдай, скажем, дюжина человек (не важно, убиты они были бы или ранены) – уже почти сенсация. Неделями обсуждать можно.

Получилась бы новость международного масштаба.

Но убиты трое. На одном катке. Значит, многие теперь перестанут туда приходить. Аргумент в пользу версии, что убийца точит зуб на руководство катка. Ева представила себя на месте киллера. Если бы у нее в руках была лазерная винтовка, а на уме – несведенные личные счета с администрацией, она бы, наверное, убрала девушку в красном, еще кого-нибудь, а потом обязательно выстрелила в охранника и, по крайней мере, в одного врача.

– Троих, – пробормотала Ева себе под нос, все еще не отрывая взгляда от экрана. – Убийство хорошо организовано, снайпер натренирован. Тщательно готовился. Именно троих собирался уложить. Ни больше ни меньше.

Она остановила видео, вернулась за стол – еще раз прочесть биографии жертв.

Когда Рорк прислал список коллекционеров – владельцев подходившего по всем параметрам оружия (они были разбросаны буквально по всем районам Нью-Йорка, и несколько жили в Нью-Джерси), Ева начала искать личную информацию каждого. Всего их набралось двадцать восемь. Ева пыталась обнаружить возможную связь с жертвами, проверяла, могли ли они иметь какое-то отношение к катку.

К тому моменту, когда в дверях показался Рорк, она принялась за вторую порцию кофе и дошла уже до середины списка.

– Лицензия коллекционера с правом владения лазерной винтовкой любой марки, модели и года выпуска стоит больше двадцати пяти тысяч.

– Охотно верю.

– Большинство владельцев такой лицензии, с которыми мне доводилось иметь дело, – богатые люди. За исключением пары человек. Им оружие досталось по наследству. Мы практически всех проверили, но это не значит, что твоего преступника не упустили.

– Так всегда и бывает. В любой сфере.

Проигнорировав кофе, Рорк предпочел плеснуть себе пару глотков виски.

– Я отобрал нужные здания.

– Уже?

– Дольше всего пришлось возиться с программой. Нужно ведь, чтобы она учитывала все критерии. Ну а потом уже... – Он пожал плечами, отхлебывая виски.

– Ты специальную программу разработал?!

Сама Ева часто и пользоваться-то программами не могла без затруднений. Вечно путалась и бесилась.

– Ну да. Интересный опыт.

– Компьютерщики – умелые ребята, однако. Так, значит, у тебя готов список потенциальных зданий?

– Что есть, то есть. И да, список готов. Но я подумал, тебе будет удобнее работать с наглядным изображением. Когда переоборудуем твой кабинет, сможем пользоваться голограммами, а пока... – Рорк поставил стакан на стол, жестом попросил Еву подняться, сел за компьютер, нажал несколько клавиш, и на экране показался кусочек Манхэттена.

– Ты мне обозначила вот эту зону – от места преступления вниз к реке. Улицы к северу и к югу. А теперь... – Он набрал еще одну комбинацию, и некоторые здания стали постепенно исчезать.

– Так-так, поняла. Хорошо охраняемые здания не берутся в расчет. Прекрасно.

– И те, что ниже четырех этажей.

– Точно. Выходит, в одном из оставшихся домов и свил себе гнездышко наш стрелок. Мне нужно...

– Кое-что еще.

Улучив момент, когда жена сосредоточенно уставилась в экран, Рорк одним ловким движением притянул ее к себе и усадил на колени. Она была так увлечена, что даже не успела отстраниться.

– Полегче, метеор. Я работаю.

– Я тоже. Из всех этих зданий каток очень хорошо просматривается и, соответственно, жертвы были прекрасно видны. Но... – Продолжая одной рукой держать Еву за талию, он нажал еще несколько клавиш. Исчезло еще несколько домов. – Я убрал также и те, где уровень охраны средний

или выше. Может, позже их придется рассмотреть. Всегда ведь есть способ обойти охрану, но пока я оставил только плохо охраняемые объекты и не охраняемые совсем. Многоквартирные дома, отели средней руки, негосударственные организации и закрытые фирмы. Из тех, что тебе иногда попадаются, – танцевальные студии, художественные школы... что там у тебя еще обычно бывает... Пара офисных зданий.

– Ну да, если есть неохраняемые места, зачем же рисковать? Но ты прав, лучше на всякий случай иметь в виду и те, и другие. Вдруг в выбранных ничего не найдем. Вот бы мне...

– Еще не все.

Рорк снова щелкнул клавишами, и под изображениями домов засветились тонкие синие и красные линии.

– Те, что подчеркнуты синим, – возможные варианты. Могли стрелять из окон или с крыши этих зданий. А красным выделены наиболее подходящие по вашей с Ловенбаумом теории объекты – к востоку от катка и плохо охраняемые.

Ева приподнялась, чтобы получше рассмотреть схему, однако ее снова утянули обратно. И на сей раз, обдумывая только что увиденное, она полностью расслабилась в объятиях мужа.

– Программа создана на основе кадров с места преступления. В нее заложен особый алгоритм, вычисляющий скорость ветра, температуру воздуха, скорость и угол падения

лазерного луча и... Ну а дальше – чистая математика. Тебе вряд ли будет интересно.

– Ты сделал программу, которая наглядно показывает все возможные варианты с учетом всех переменных величин.

– Коротко говоря, да.

– Ты не просто умный. Это же гениально!

– Без ложной скромности должен с тобой согласиться. На самом деле, очень интересно было поработать над такой задачей.

Ева понимала – придется осмотреть множество зданий. И все же гораздо меньше, чем она предполагала всего каких-то два часа назад. Она обняла Рорка за шею, повернулась к нему вполоборота.

– Это ведь не бесплатно?

– Дорогая, твоя благодарность – лучшая награда.

– И секс.

– Полагаю, это одно из проявлений... – Муж с улыбкой ее поцеловал.

– Секс из благодарности. Скажем так.

Ева снова отстранилась, придвинулась ближе к монитору, изучая картинку.

– Как насчет того, чтобы отобрать из наиболее подходящих те, где на окнах установлены защитные экраны?

– Вот умница! Кто же захочет, чтобы его застукал у окна с винтовкой наперевес случайный прохожий или глазающий по сторонам турист с фотоаппаратом?

– И окна должны открываться. Какой смысл нашему убийце было стрелять через стекло? Возиться, вырезать отверстие. Если только это не его собственный офис или жилье. Лишняя зацепка, выводящая на след.

– Дай мне минутку. Хотя я и рядом с тобой могу поработать, – сказал Рорк, когда Ева снова было привстала. – Вот сделаем тебе командный центр, и с такими задачами справиться станет легче.

Муж задал новые параметры вручную, очень быстро (ей никогда не удавалось понять, как у него это получается) и запросил новые результаты.

– Пять или шесть домов еще отпадут. А сколько...

– Не торопись. Компьютер, выведи на экран идентификационные данные.

Запрос принят. Идет обработка.

– Выходит, я смогу создавать такие схемы в виде голограмм?

– Ну да. Или на первых порах, пока не наловчишься, я буду помогать.

– Вообще-то я уже умею. Даже на том оборудовании, что есть сейчас.

– Работать будет проще, а рисунки станут сложнее. Причем не важно, отсюда или из моего кабинета с центрального пульта. А вот и обновления.

Теперь на схеме появились адреса и обозначения типов зданий. И по каждому адресу были выделены этажи, подхо-

дящие по заданным критериям. Всего двадцать три здания.

– Уж двадцать три я смогу проверить. И если удастся обнаружить гнездышко убийцы, можешь рассчитывать на умопомрачительный благодарственный секс.

– С костюмами и всяким реквизитом?

Ева закатила глаза:

– Размечтался. Я еще ничего не нашла.

– Может, небольшой аванс? – Рорк слегка укусил ее за шею.

– Прекрати думать о сексе.

– Такое я не умею программировать. Но перед тем, как воздать мне должное, ты, конечно же, хочешь сделать перекрестный поиск коллекционеров, жертв и всех двадцати трех зданий.

– Именно. Только прежде скажи мне вот что: представь, ты – серийный убийца. Хорошо дисциплинированный, натренированный, умеющий держать себя в руках.

– Насчет умения сдерживаться ты уверена?

– Всего лишь три жертвы. А могли быть десятки убитых и раненых – большой вред, больше шумихи. Если ради этого все и затевалось. Так что да – думаю, он умеет себя контролировать. И не важно, три жертвы были намечены или только одна из них. Так вот: ты бы на его месте стал устраивать засаду в собственном доме? Или в офисе?

– Интересный вопрос. – Рорк в задумчивости снова поднял свой бокал. – Преимуществом было бы время. К твоим

услугам целая вечность. Можно бесконечно осматривать выбранное место из своей засады. Полная секретность и возможность примеряться и прицеливаться сколько душе угодно.

– Хм, а вот про это я не подумала, довод весомый. Тренироваться и тренироваться. Из одного и того же места. Принимается. А что насчет недостатков?

– Умные копы, вроде моего, неустанно выискивающие потенциальных преступников. Риск того, что умный коп может напасть на след. Ну а офис... если это не просто «крыша», в большинстве случаев там должен работать кто-то еще. Хотя бы секретарь, уборщики и так далее. Дом? Тогда возникает вопрос: живет ли наш убийца один, и если нет, то как те, с кем он живет, относятся к его намерению совершить убийство. Я бы на его месте предпочел арендовать помещение на вымышленное имя. Пришлось бы немного поднапрячься, – добавил Рорк, – но оно бы того стоило. Офисное помещение, небольшая квартира или номер в отеле. Сделал дело – и можно сбежать.

– Я бы тоже так поступила, – кивнула Ева. Она думала в том же направлении. – Нельзя исключать и первого варианта, но я с тобой согласна. Я бы пожертвовала удобством действовать со своей территории ради меньшего риска. Нужно проверять номера отелей, офисные и жилые помещения, сданные внаем в течение последних шести месяцев. В самообладании ему не откажешь, и все же не думаю, что он стал

бы снимать дольше. С этим разобрались.

Рорк еще мгновение подержал Еву в объятиях и наконец отпустил.

– Почему бы тебе не начать перекрестный поиск подходящих помещений? А я займусь всем остальным.

Они оба встали, и Ева обернулась к мужу:

– Когда мы вот так в кабинете собираемся, обсуждаем дело, если хочешь, работай здесь. Чтобы не засорять свой компьютер всякими полицейскими штуками.

– Да я не против полицейских штучек.

– Знаю. Учтем это сегодня ночью. Вот закончу и еще раз посмотрю фото с дизайном, выберу один вариант.

– Если один тебя полностью устроит.

– Это да.

Ева вернулась за рабочий стол и запустила перекрестный поиск. Пока компьютер обрабатывал запрос, она придумала, как отправить Пибоди созданную мужем всего за каких-то полтора часа сложнейшую программу.

Ева представила, как обрадуется эксперт-программист – старина Макнаб. Просто заплещет от счастья.

Загрузив обновления, она пошла на кухню – сварить еще кофе. И тут ей вспомнилось, что и кухню ждет переустройство.

«Не надо привязываться к вещам», – убеждала себя Ева. На самом деле, даже привычные вещи менялись. Вот, например, с тех пор как Мэвис и Леонардо поселились в ее преж-

нем жилище, по-спартански скромная и простая квартира полицейского очень изменилась. Теперь там господствовали буйство цвета, горы всякого барахла и малыш-непоседа.

Малыш.

Как только в голове возник образ Бэллы, тут же вспомнился детский день рождения, на который Еву однажды пригласили. И там, конечно же, было еще много детей. Они ползали, пытались вставать и неуверенно шагали своей детской походкой, издавая необычные звуки.

И смотрели не моргая, точно куклы.

«Почему они так странно себя вели?»

Она тут же отогнала непрошеную мысль, достала кофе из «Авто-шефа» и вернулась к делу.

Поступило сообщение от Рорка, а через несколько секунд пришел он сам.

– Я пометил флажками отели, в том числе дешевые одно-местные комнатухи, и несколько арендованных за последние шесть месяцев квартир и офисов. Те, что сданы семьям с детьми, многофункциональные офисные помещения и такие, в которых трудится больше трех сотрудников, обозначены как маловероятные.

– Проверяешь постояльцев?

– Ну, это ведь следующий шаг, правда?

– Да. Я нашла несколько совпадений, хотя полностью подходящих вариантов нет. Первое – у одного из коллекционеров в доме из нашего списка живет тетя. Но этаж ниже, чем

нужно. Плюс он никогда не служил ни в полиции, ни в армии, да и стрелять не учился, как выяснилось. Мы его, конечно, проверим, но это не наш клиент.

Ева взяла чашку с кофе, откинулась на стуле и приняла свою любимую позу для раздумий – скрестив ноги, положила их на край стола.

– У другого большой жилой комплекс с видом на парк. Занимается подбором дизайнеров, получается не очень – судя по тому, что я о нем узнала, маловато опыта. Хотя он этого, наверное, не афиширует. Что еще... живет с женой в третьем браке и ребенком. С ними также постоянно проживает няня этого самого ребенка. Кроме того, воспитывает сына-подростка от второго брака, который часто у него гостит. Есть еще домработница. Трудится полный рабочий день. Плюс еще одна живая душа. И все же у него наверняка есть скелеты в шкафу. Будем проверять.

Она опустила ноги, снова выпрямилась.

– Ни один из двоих парней преступлений раньше не совершал и никакого отношения не имеет ни к катку, ни к жертвам.

Ева встала и подошла к доске со схемой преступления.

– Если именно в этих трех убийствах не заключалась его конечная цель, убийца снова нанесет удар. И скоро. Три выстрела, и все точно в цель. Слишком удачный ход. Велик соблазн закрепить успех. Только в следующий раз будет не каток. Там его миссия выполнена. Если, конечно, он не сводит

личные счета с администрацией катка.

– Но ты считаешь, и я с тобой согласен, что, если бы он точил зуб на руководство катка, жертв на твоей схеме было бы обозначено гораздо больше.

– Да. Так я и думаю. Будет другое публичное место, и снова массовый расстрел. Если таков его план, он уже выбрал место, как следует его осмотрел и свил себе новое гнездышко. Под удар может попасть кто угодно. И мы даже не догадываемся, кто, где и когда. У него на руках все карты.

– Ну а у тебя своих предостаточно.

– С тем, что у нас есть сейчас, ничего нового я выяснить не могу. Может, Моррис и Берински завтра что-нибудь нароют. Да и Пибоди с Макнабом над своими заданиями работают вовсю. Попрошу Миру составить психологический портрет. Вдруг это как-то поможет прояснить ситуацию. Однозначно стрелял непрофессионал.

Она, сощурившись, опять внимательно посмотрела на доску.

– Профессионал не станет убивать трех случайных людей. А наши жертвы точно никак не связаны друг с другом. Оговорюсь: действующий профессионал не стал бы. Хотя, возможно, мы имеем дело со спятившим спецом. Но это не заказное убийство. Скорее всего. Клиент мог заказать троих. Двое послужили прикрытием намеченной жертве. Такую версию все же нельзя совсем отметать.

– Лейтенант, вы повторяетесь.

– Да, да. – Ева в последний раз бросила долгий взгляд на девушку в красном. Рорк прав. Она слишком заиклилась на своей идее. – Ну что ж, а теперь давай еще раз посмотрим проекты дизайна.

– Сегодня тебе это делать ни к чему.

– Меня гложет эта затея. Пока не выберу, не успокоюсь. Как же трудно бывает выбирать!

– Ты редкая женщина, дорогая. Не только признаешь, но и воплощаешь в жизнь общеизвестную истину.

Рорк сделал запрос, и на мониторе открылся первый проект.

– Мне не очень нравится. Цвета какие-то слишком девчачьи. А мебель... угловатая... и в то же время какая-то гламурная. Все просто до неприличия. Не знаю, как по-другому сказать, но такое создается впечатление. В смысле, задумка-то неплохая. То, как все расставлено. А вот сами вещи... совершенно не мое. Будто в чужой дом попала.

– Тогда поехали дальше. Номер два.

Разглядывая второе фото, Ева заерзала на месте от нахлынувшего чувства вины.

– Здесь мне нравится обстановка. Вещи не выглядят такими новыми и совершенными, что до них дотронуться страшно. Можно спокойно работать и не чувствовать себя неловко, будто под укоризненным взглядом Саммерсета, если что-нибудь прольешь ненароком или вещи разбросаешь.

– Но?

– Цвета чересчур насыщенные. Наверное, это хорошо. Но, как по мне, немного режет глаз. Думаю, будет отвлекать.

– А как насчет вот такой расцветки?

Рорк открыл третий вариант.

«Интересно, – подумала Ева, – как у дизайнеров называются эти цвета? Что-нибудь идиотское, вроде „умиротворяющий беж“, „дзен-уединение“ или „шоколадные брызги“».

В ее понимании комната была выполнена в зелено-коричневых тонах с вкраплениями белого. Цвета спокойные, приглушенные.

– Да, цвета мне нравятся. Спокойные, но не девчоночьи. Не кричащие. И командный центр выглядит что надо. Настоящее рабочее место, а не какая-то финтифлюшка. Но, по моему, в остальном комната смотрится неуютно.

– Давай-ка кое-что попробуем. – Рорк подошел к компьютеру, набрал какую-то комбинацию, и на экране появился второй проект в цветовой гамме третьего.

– Ого. Ты можешь даже... Да, вот это...

– Если не уверена, душа не лежит – подождем. Я передам дизайнеру твои пожелания, она уберет, что не нравится, и добавит, что скажешь.

– То, что нужно... мне нравится. Правда. Очень. Я и сама не ожидала. Вещи не смотрятся... аляповато, как в той насыщенной, кричащей гамме. Все выглядит более... естественно. Думаю, мне такой вариант подходит. Я смогла бы жить в этой обстановке. В смысле, привыкла бы. Мне правда нра-

вится. Практично, неярко, просто. – Ева обернулась к мужу с искренним смущением на лице. – Боже, как же мне понравилось! Похоже, нас ждет просто дикий благодарственный секс.

– Мое заветное желание. – Крепко прижавшись к жене, Рорк внимательно изучал выбранный ею образец и с удовольствием отметил, что ему картинка нравится ничуть не меньше. И все же...

– Хочешь повременить несколько дней? Все как следует обдумаешь, возможно, захочется что-нибудь изменить?

– Нет. Правда. Нет. Я с ума сойду. Давай согласимся на то, что есть. Единственное – когда я здесь работаю над делом, я не вынесу, если кабинет перевернут вверх дном и какие-то незнакомые ребята будут шастать туда-сюда.

– Предоставь эту проблему мне. – Муж обернулся к ней, взял за плечи, поцеловал в лоб. – Нам обоим здесь будет комфортно.

– Знаю. И скучать по прошлому не буду. Прекрасно помню свои чувства, когда ты в первый раз привел меня сюда и я увидела, что ты для меня сделал. Эти эмоции не исчезли.

– И причина, по которой я сделал все это для тебя, – тоже. Приобняв Еву за талию, он вывел ее из кабинета.

– Надеюсь, ты помнишь, как чувствовала себя, когда я в первый раз привел тебя в спальню.

– Отпечаталось в моей памяти навеки.

– Хорошо. Через пару дней нам пришлют образцы дизай-

на для спальни.

– Ты серьезно?

– Совершенно.

– Но спальня...

– Мы спим в ней вместе, а обустраивали ее для меня одного. Теперь она станет отражением нас обоих. наших вкусов, потребностей, желаний.

– Наши вкусы не совсем совпадают. Если честно, я вообще сомневаюсь, есть ли у меня вкус.

– Ты же знаешь, что тебе нравится, а что нет. Разве не интересно будет понаблюдать, как сплетутся наши предпочтения, во что это выльется? Так же как в случае с кабинетом, обстановка должна тебя устраивать. Но и меня тоже. Так что, наверное, придется подумать чуть больше двух минут, которые ты потратила на выбор дизайна для своего кабинета.

Двумя минутами бы не обошлось, если бы не Рорк.

– Значит, будем скандалить, как сапожники?

– Искренне надеюсь, что нет. Но даже если и так, уж по поводу кровати мы наверняка договоримся.

Нахмурившись, Ева вошла в спальню, посмотрела на огромную кровать, возвышавшуюся на подиуме под стеклянным куполом, и не смогла представить, чтобы какая-нибудь другая устроила бы ее больше.

– Мне нравится эта.

– В конце концов, может, сойдемся на том, чтобы ее оставить и поменять весь прочий интерьер. А если нет, придет-

ся с ней распрощаться, как с твоим старым рабочим столом. Просто предположение.

– Зная тебя, думаю, прежде чем от нее избавиться, мы на ней еще раз пятьсот успеем покувыркаться.

– Воспринимай это как репетицию, – сказал Рорк и сгреб Еву в объятия.

Поскольку сопротивляться и смеяться одновременно было невмочь, Ева сдалась и, оказавшись на кровати в чем была (в обуви и прочем), обвила мужа ногами.

– Мы даже не разделись.

– Я это мигом исправлю, – проговорил он, жадно принимая к ее губам.

Наконец их ждала долгожданная награда за длинный и тяжелый рабочий день. Рорк прижался к Еве всем телом, его волшебный рот обжигал жаром дыхания, от поцелуев у нее по всему телу пробежала дрожь. И никаких кошмарных видений, вроде окровавленных пальцев на стеклянной двери, давящих, пытающихся разбить стекло, будто кто-то хочет ворваться в комнату. Здесь она могла спокойно заниматься любовью.

Раздался щелчок, когда Рорк своими божественными пальцами, не менее волшебными, чем рот, расстегнул на ней португую. Ева задвигалась, помогая ему. Амуниция полетела прочь.

– Вы обезоружены, лейтенант.

– Это не единственное мое оружие.

– Не сомневаюсь. Но у меня и свое припасено, – с этими словами Рорк слегка укусил ее за шею.

«Да уж», – подумала Ева и в ответ прижалась к мужу еще сильнее.

– И твое, как обычно, уже взведено.

Его губы заскользили по ее коже, не пропуская ни одного изгиба.

– Кто-то надел сегодня свои озорные трусики.

– Я вообще-то подумываю от них избавиться.

Одним рывком Ева сбросила обувь. Упругий толчок бедер лишь еще больше раздражил обоих. Не снимая с нее свитера, руки мужа скользнули под него, нащупали топ. Соски у Евы отвердели и набухли под обтягивающей тканью. Рорк опустил ниже, расстегнул ремень, затем вернулся наверх и, дразня, сжал ее грудь.

Снова вниз – расстегнуть пуговицу и медленно-медленно потянуть молнию.

Его руки могли бы, казалось, бесконечно блуждать по ее телу. По упругой маленькой груди, длинному худому торсу под простой тонкой майкой, по упругому животу и узким бедрам.

Он немного, всего на дюйм, приспустил ей брюки и кончиками пальцев скользнул в трусики (такие же простые, как топ). Его коп не был создан для рюшечек и кружев. Однако это простое, без всяких украшательств белье постоянно манило его.

Он знал, какая искра таилась внутри.

Чувствовал, что жена полностью расслабилась под его ласками, отогнав прочь всю тревогу. Кровь и смерть были отброшены в дальний угол сознания. Ради него. В такие мгновения он готов для Евы на все на свете в их маленьком мире вдали от холода и мрака.

Наконец он стянул с нее свитер вместе с топом, сжал грудь, а она в ответ с улыбкой обхватила ладонями его лицо.

– Приятно.

– Правда?

– Да. – Опустив руки, Ева начала расстегивать на нем рубашку. – Очень.

– Я могу сделать еще лучше.

– Не сомневаюсь.

Рорк рассмеялся, принося к ее губам.

Ева тоже могла бы сделать еще приятней, только не в этот раз. Она погружалась в негу. Это скрытое под рубашкой сильное, натренированное тело принадлежало только ей. Можно с наслаждением гладить его. Горячую кожу, упругие мышцы.

Поцелуи стали настойчивее, и она вновь подумала, что в эти мгновения Рорк принадлежит ей одной. Огонь разливался под кожей. Снова обхватив мужа ногами, Ева перевернулась, поменявшись с ним местами. Сидя сверху, выгнулась. Дразня, стала прикусывать его губы, язык, плавными движениями всего тела доводя и его, и себя до дрожи.

Она расстегнула на нем ремень, и в этот миг Рорк снова опрокинул ее на кровать. Стягивая с нее брюки, нащупал у нее на ноге пристегнутый чуть выше лодыжки чехол для ножа. По спине у него пробежал тревожный холодок. Оставив все как есть, он ласками и поцелуями довел ее до исступления.

Ева вскрикнула, выгнулась дугой, когда его язык, мягко порхая по всему телу, проник внутрь. Пальцы впивались в простыни, ему в спину, а он все усиливал удовольствие.

Оргазм накрыл ее внезапной волной неистового наслаждения. Затем последовало еще несколько постепенно затухающих всплесков. А он все продолжал дразнить.

Ослепленная, бездыханная, Ева притянула его к себе, и они сплелись воедино на синей глади простыни. Тем временем она порывисто срывала с него оставшуюся одежду.

Он вошел в нее, и весь мир содрогнулся.

Его губы... Боже, как же она их любила... снова жадно приникли к ее губам, словно силясь найти в них утоление своей неизбывной жажды. Он задвигался в ней. Руки сплелись, тела слились, покачиваясь в едином темпе на самой грани. Удовольствие все прибывало, приближался очередной взрыв.

Вернувшись с небес на землю, Ева растворилась в сияющей голубизне глаз мужа.

Спустя еще несколько бесконечно долгих мгновений, когда они обессиленно распростерлись на постели, словно

двое выживших в страшной катастрофе, Рорк, потянувшись, слегка ущипнул ее губами за шею.

– Хорошо?

– Мне понравилось. Благодарность засчитывается?

– Сполна.

– Ха, и никаких костюмов и прочей атрибутики.

– Ну, на тебе было оружие.

– Что? – Ева широко распахнула глаза от удивления.

– Мне этого хватило вполне. – С глубоким вздохом Рорк сполз с Евы, сел, и его взгляд стал блуждать по ее небрежно разметанному на кровати обнаженному телу. Лишь крупный бриллиант красовался на шее, да к ноге был пристегнут нож. – И хватило бы с лихвой еще на много-много раз.

– Мужчины такие извращенцы!

Он лишь улыбнулся в ответ, затем поднялся и принес бутылку воды. Сделав несколько глотков, протянул бутылку Еве:

– Попей.

Опершись на локоть, она последовала его совету. Когда потянулась отстегнуть оружие, он ее остановил:

– Не сейчас.

– Я не собираюсь в этом спать.

– Не надо спать. – Рорк потянулся за портупеей.

Он начал пристегивать к ней ремни, и она тут же его оттолкнула:

– Что за черт?!

– Ради меня. Мне очень любопытно. – Муж быстрым, ловким движением застегнул на ней португую, затем снова немного отошел, чтобы как следует рассмотреть Еву со стороны.

Она оперлась на локти, смущенная, глаза еще подернуты дымкой желанья. От этого зрелища сердце его взволнованно забилося.

Ева лежала с ножом на лодыжке и перекинутой через плечи винтовкой. Гибкое нагое тело. Женщина-воин. Рорк смотрел на нее, и волнение лишь усилилось. Она всколыхнула самые глубины его естества.

– Да, представил...

– Представил, как я ношу оружие совершенно голая?

– Понимаю теперь, что даже мое прекрасное воображение подкачало. Так-то, лейтенант.

Он запрыгнул на нее, и на сей раз она не просто смутилась. Для нее это стало настоящим потрясением.

– Ты что, шутишь?

– Нисколечко.

Рорк снова схватил ее за руки, прижал к кровати.

– Ну ты же не можешь... – Опустив глаза, Ева увидела, что очень даже может. – Но как ты...

– Наверно, моя извращенная природа.

Он резко вошел, она вскрикнула и мгновенно кончила.

– О боже!

– Хочу любоваться тобой, мой вооруженный коп, – гово-

рил Рорк, пронзая ее снова и снова. – Любоваться, проникая в тебя, и брать тебя, пока мы оба не насытимся.

Он медленно погружал Еву в темные, влажные глубины ее естества, наполняя чувственным наслаждением. Не в силах сопротивляться, она беспомощно подчинилась, предаваясь пьянящему, отчаянно прекрасному ощущению, тая, словно воск. А тело жаждало большего.

Он продолжал глубоко погружаться, пока она совсем не обессилела, а затем отпустил себя и излился в нее.

Проснулась Ева неохотно, словно с похмелья. Мозг, медленно выходя из оцепенения, начал подавать сигналы, и лишь тогда она открыла глаза. Первая стадия была пройдена, и она тут же уловила разлитый в воздухе кофейный аромат.

Рорк сидел на диване в зоне отдыха с чашкой кофе в одной руке и планшетом в другой. На настенном мониторе бежали цифры биржевых котировок.

Одет по-деловому, как и подобает одному из самых успешных бизнесменов. В темно-серый костюм и рубашку на несколько тонов светлее, к ним – идеально завязанный галстук в тонкую серую полосу на темно-синем фоне.

Ботинки того же цвета, что и костюм, – видимо, шили на заказ. «Носки, наверное, тоже подобраны в тон», – подумала Ева.

И хотя цифры сегодня явно не радовали, она не сомневалась – Рорк уже успел провернуть несколько сделок, принять необходимые решения и разослать поручения во все зарубежные филиалы и даже на космические проекты.

Она же, сдерживая недовольство, еле заставила себя сперва сесть, а потом окончательно выбраться из постели.

– Доброе утро, дорогая.

Ева промычала что-то невнятное в ответ – на большее была не способна – и поплелась варить спасительный ко-

фе. Прихлебывая живительную влагу, отправилась в ванную, встала под душ.

– Полный напор, сто один градус, – скомандовала она.

Отхлебнула еще глоток. Чудодейственный кофеин и горячие струи воды помогли окончательно прийти в себя. А ведь ей годами приходилось довольствоваться растворимым кофе и паршивыми душевыми! Ни за что не согласилась бы она теперь вернуться в то время. Ну, только если бы от нее зависело, например, устройство мира.

И то не факт.

И наверно, хорошо, что за столь глобальные вещи она ответственности не несет. Отвечает лишь за расследование убийств в городе Нью-Йорке.

«Раз уж в голове крутятся такие мысли, значит, я окончательно проснулась», – подумала Ева.

Десять минут спустя, снова чувствуя себя человеком, она вышла из ванной, закутавшись в халат. На столе уже стояли две накрытые тарелки и кофейник – Рорк позаботился. В который раз оставалось только диву даваться, как быстро у него все получается.

Муж опустил планшет, прикрыл его как-то слишком поспешно. Полицейским чутьем Ева почувствовала подвох и насторожилась. Но только самую малость.

– Что там у тебя? – спросила она, приблизившись к Рорку.

– На планшете? Да многое.

Ева налила себе еще кофе, жестом прося его перевернуть

планшет.

– Давай-ка вместе посмотрим, приятель.

– Может, мне любовница Анжелика непристойное фото прислала.

– Ну да, конечно. Мы его в рамочку поставим рядом с фото моих любовников, близнецов Хулио и Рауля. А если честно?

Напряженно застыв на месте, Рорк одним движением снял колпаки с тарелок, на миг отвлекая ее внимание.

Овсянка. Как она сразу не догадалась?! Ну, по крайней мере, он приготовил еще яичницу с беконом и сыром, а кроме того, рядом стояли две миски: в первой – клубника, во второй – тростниковый сахар. Вот это уже совсем другое дело.

И все же он что-то скрывает.

– Для удачного начала дня нам с тобой не помешает как следует подкрепиться.

– Твой день вообще-то начался еще пару часов назад. Так что не обобщай.

– Но ведь то было без тебя.

– Ах-ах.

Первым делом Ева принялась за бекон и тут же заметила краем глаза, как у Галахада зашевелились усы, затем он вальяжно, будто бы просто решил прогуляться, направился к столу.

– Так что с планшетом?

Рорк метнул на кота строгий взгляд, и тот сразу остановился, сел и принялся тщательно вылизываться.

– Шармейн прислала образец дизайна спальни. Убедиться, что движется в правильном направлении. Видимо, вчера поздно вечером. Мы с тобой были заняты кое-чем другим. Я подумал, тебе не захочется снова рассматривать фотки и заморачиваться насчет всего этого в такую рань.

В ответ Ева лишь покрутила пальчиком, прося перевернуть планшет, а потом принялась засыпать в овсянку кучу сахара и клубники.

– Выведу изображение на настенный монитор.

Рорк провел пальцем по экрану планшета. Бегущие строчки непонятных символов исчезли, уступив место изображению спальни.

Ева, продолжая завтракать, посмотрела на картинку и нахмурилась.

– Во-первых, взгляни на шторы... они слишком... вычурные. Слишком величественные, что ли. Не знаю, как еще сказать.

– Согласен.

– А вон та зона мне в общем-то нравится. Хорошо она ее обставила. Диванчик здесь просторнее, но он...

– Слишком богато украшен. Я присмотрел один подходящий в каталоге «Сотбис». Пришлю вам обеим. Зацените. А как тебе, собственно, кровать?

Кровать можно было описать теми же словами – слишком

вычурно. К тому же она выглядела громоздко на крепких высоких ножках. Вытянутое изголовье, длинное изножье. И с обеих сторон поверху надписи кельтскими символами. Одно сплошное темное лакированное дерево дорогой породы – старинное, монументальное ложе.

И все-таки...

– Я...

– Если тебе не нравится...

– В том-то и дело, что нравится! Очень! Сама не знаю почему. Выглядит роскошно. Я думала, уговорю тебя сделать что-нибудь без излишеств. Обычно я равнодушна к таким вещам, но, боже ты мой, кровать – потрясающая! Где она ее нашла?

– Вообще-то ее нашел я. Несколько месяцев назад. На складе стоит. Купил спонтанно, а потом подумал, тебе, скорее всего, захочется что-нибудь попроще.

Ева продолжала разглядывать кровать, а Рорк тем временем снова поднял чашку с кофе и сказал:

– С этой вещью связана одна легенда. Хочешь, расскажу?

– Давай.

– Ну так слушай. Когда-то давным-давно жил-был богатый и знатный ирландец. Он заказал себе свадебное ложе – эту самую кровать. Заказать-то заказал, а вот невесту еще не нашел.

– Оптимист.

– Можно и так сказать. Кровать сделали и привезли в его

замок. Но он по-прежнему оставался холостяком, так что спальню с кроватью внутри заперли до лучших времен. Шли годы. Хозяин замка постарел и уже не верил, что встретит девушку, которая разделит бы с ним ложе, дом и жизнь. С которой он мог бы создать семью.

– Похоже, кровать-то несчастливая!

– Не торопись. Дослушай до конца. Однажды он, как обычно, бродил по своему лесу и вдруг на берегу небольшого ручья увидел женщину. То была не юная красавица, какой он всегда представлял свою невесту, но симпатичная женщина, которая очень его заинтересовала. Она жила в милом домишке неподалеку от замка.

Ева в задумчивости зачерпнула ложку как следует «приправленной» каши.

– Тогда он должен был встретить ее раньше. Сколько народу жило в тех краях, и...

– И он никогда прежде ее не встречал? Правильно я понимаю?

– Может, если бы он почаще выходил из дома и лучше осматривал свои угодья, давно бы нашел эту невесту.

Рорк лишь покачал головой:

– Или им суждено было встретиться в то самое время на том самом месте. Так или иначе, – продолжил он, пока Ева не попыталась вставить очередное логическое замечание, – они познакомились и стали встречаться. А время шло. Закончилась весна, наступило лето. Он узнал, что в юности она

была замужем, но овдовела всего через месяц после свадьбы и с тех пор больше не выходила замуж. Они говорили о ее саде, его делах, о светском обществе и о политике.

— А потом влюбились и жили вместе долго и счастливо.

Рорк метнул на жену тот строгий взгляд, который обычно предназначался коту за проделки.

— Их связала настоящая крепкая дружба. Весь тот год знатный муж и не помышлял о любви. Он верил, что его время ушло, но очень ценил свою подругу. Как человека. Ее ум, манеры, чувство юмора. Однажды он так прямо ей об этом и сказал. И предложил выйти за него замуж, чтобы быть друг для друга поддержкой и опорой до конца дней. Женщина согласилась, и он очень обрадовался, однако даже мысли не допускал, чтобы открыть спальню и использовать приготовленную им когда-то специально для такого случая кровать.

Но в первую брачную ночь она привела его именно в ту заветную комнату. Нетронутое ложе сияло в лунном свете. И новая весна, вливаясь в окна, озарила все вокруг. И белоснежные простыни, и вазы с цветами из ее собственного сада, и горящие свечи. И он вдруг увидел в ней свою невесту. Оказалось, ему нужна вовсе не юная красавица. То был лишь прекрасный образ, не более. А по-настоящему нуждался он вот в такой женщине из плоти и крови, воплощении постоянства, ума и доброты. И на супружеском ложе настоящая крепкая дружба превратилась в большую крепкую любовь. С тех пор говорят, что пару, которая разделит это ложе, ждет

та же судьба.

Славная история. Чушь собачья, конечно, но очень мило прозвучало. Так что Ева согласно кивнула:

– Кровать определенно берем.

Вдруг она обнаружила, что съела всю дурацкую кашу. И сама не заметила.

– А покрытие какое? Цвет я имею в виду?

– Бронза с добавлением меди.

Она снова кивнула, доедая бекон:

– Кажется, такого же цвета, как мое свадебное платье. И материал тот же.

– Так и есть.

– Дурачок.

– Испорченный дурачок. Забыла?

– Мне нравится цвет и кровать. Так что начало положено.

– Поддерживаю. Скажу Шармейн, на что ориентироваться.

– Вот и хорошо.

С этими словами Ева встала и отправилась в свою гардеробную.

– Сегодня обещают похолодание, – предупредил Рорк. – До обеда возможен мокрый снег.

– Чудненько, – прокомментировала она, высунув голову из-за двери. – Сначала съезжу в морг, потом в лабораторию – нужно переговорить с Дикхэдом. Он же у нас король лазера. – И снова скрылась за дверью.

Недолго думая, Ева вытащила темно-зеленый свитер и теплые коричневые брюки. Уже потянулась было за первым попавшимся жакетом, как ей пришло в голову, что, если возьмет неподходящий, Рорк встанет и лично придет ей помогать. Поэтому предпочла задержаться на пару минут подольше и как следует обдумать свой выбор.

Почему так много вещей? И всякий раз, как зайдешь, кажется, будто становится еще больше.

Она страшно удивилась, когда вдруг обнаружила жакет, идеально подходивший по цвету к брюкам, – на несколько тонов темнее, с едва заметным зеленым отливом. Добавить ботинки, ремень – и все готово.

– Я почти весь день буду в Мидтауне, – сказал ей муж, когда она вышла и стала одеваться. – Сегодня днем у меня намечена проверка в «Эн Дидеан».

Ева вспомнила – приют для трудных подростков, который он недавно построил.

– Как идут дела?

– Вот сегодня и проверим, но в целом все продвигается очень неплохо. К апрелю уже можно будет заселять первых постояльцев.

– Хорошо.

Она пристегнула портупею, накинула жакет, присела, чтобы натянуть ботинки, и вдруг почувствовала на себе его взгляд.

– Что? Что не так? Я что-то не то надела?

– Ты выглядишь просто великолепно. Как истинный коп.

– Я и есть истинный коп.

– Точно. И ты истинно мой коп. Я волнуюсь за тебя. Так что будь осторожна.

Рорк снова сел и принялся допивать кофе. Кот растянулся рядом. Муж улыбнулся Еве своей неповторимой улыбкой. Она подошла ближе, взяла в ладони его лицо и поцеловала.

– Увидимся вечером.

– Ловите плохих парней, лейтенант, но сами оставайтесь целы.

– Так я и собираюсь делать.

Она сняла с вешалки и надела пальто, шапку со снежинками, к которой почему-то успела привязаться, связанный Пибоди шарф и выстиранные перчатки.

Снаружи уже ждала прогретая машина.

Ева в последний раз посмотрела в зеркало заднего вида на свое теплое и уютное семейное гнездышко и поехала в морг – обитель смерти.

Мокрый снег не заставил себя ждать. Как только она добралась до центра города, по крыше забарабанили крошечные ледяные крупинки.

На рекламу мерзкая погода повлиять оказалась не в силах – по радио продолжали вещать об идеальных нарядах для путешествий, рождественских распродажах и ликвидации остатков товара на складах. А вот общественный транспорт заметно пострадал – огромные и без того неповорот-

ливые автобусы ехали еще медленнее обычного, почти ползком. Обстановку усугубляло и то, что большинство водителей, услышав о возможном выпадении осадков, напрочь утратили все навыки вождения, и Еве всю дорогу приходилось кого-то объезжать, то и дело перестраиваясь из ряда в ряд и обругивая каждое встречное такси и пригородный автобус.

Въехав наконец в длинный белый тоннель, ведущий прямо к дверям обители смерти, она вздохнула с облегчением. Даже раздававшийся из-за открытой двери хохот не сильно ее смутил.

Вообще-то Ева всегда считала, что нельзя громко смеяться в таком месте. Брошенный невзначай смешок вполне уместен, хохотать же просто неприлично.

С натугой открыв тяжелую дверь, она зашла в секционный зал. Здесь было прохладно, негромко звучала какая-то классическая мелодия.

Все три жертвы лежали в ряд.

На Моррисе поверх серого костюма со стальным отливом был надет защитный фартук. Рубашка василькового цвета отлично гармонировала с пиджаком в светло-голубую полоску, а в темной шевелюре, заплетенной во французскую косу, красовался витой шнурок того же цвета.

Из-за увеличительных очков глаза его казались огромными. Он оторвал взгляд от тела Элиссы Вайман и посмотрел на Еву.

– Какое пасмурное, холодное утро сегодня выдалось!

– Может, и еще хуже станет.

– Что-то слишком часто портится погода в последнее время. Впрочем, для наших гостей все самое худшее уже позади. Девушка мне Моцарта напомнила. – Моррис приглушил музыку, поднял очки на лоб. – Такая молоденькая!

Стоя над вскрытым телом, он махнул рукой в заляпанной кровью перчатке на монитор:

– Она была здоровой. Идеальный мышечный тонус. Никаких следов злоупотребления алкоголем или запрещенными веществами. Примерно за час до смерти пила горячий шоколад на соевом молоке и съела мягкий крендель.

– Перекусила перед выходом на лед. У ворот парка много тележек со всякими вкусностями. Она и двадцати пяти минут покататься не успела.

– Выстрел из лазера. В спину, прямо по центру. Едва не перебит мозговой канал между позвонками T6 и T7 – грудной отдел.

– Да я поняла. Разрыв, значит?

– Почти. Мощный удар. Если бы ей удалось выжить, без длительного и дорогостоящего лечения осталась бы парализованной ниже пояса. Но из-за силы выстрела умерла через несколько секунд.

– Классика жанра. Так и не поняла, что ее убило.

– Точно. И для нее это скорее благословение. Я только начал разбираться с внутренними органами, хотя и невооруженным глазом заметны сильные повреждения.

Большим знатоком по части внутренних органов Ева себя назвать не могла, но все же в свое время, хоть и не без отращения, на аутопсии присутствовала и зачет благополучно получила. Так что она надела предложенные Моррисом очки и, наклонившись над трупом, стала внимательно разглядывать повреждения.

– Обширное внутреннее кровотечение?

– Да. С разрывом селезенки и печени. – Моррис махнул в сторону весов, где лежал уже отсеченный орган.

– Это характерные повреждения при обстреле из лазерного оружия?

– Мне приходилось видеть нечто подобное, но такую картину мы, как правило, наблюдаем в случае боевых ранений, когда враг атакует стремительно и его задача уничтожить как можно больше противников, потратив на это как можно меньше времени.

– Луч ведь начинает пульсировать... появляется своеобразная вибрация... когда поражает жертву. Так? – Ева выпрямилась и сняла очки. – По закону в полицейском и коллекционном оружии такая опция запрещена.

– Думаю, да. Берински лучше знает. Это по его части.

– Ага. Наслышана. Поеду к нему прямо от вас.

Отложив очки в сторону, Ева еще раз внимательно осмотрела тело Вайман и повернулась к двум другим ожидавшим своей очереди жертвам.

– Значит, убийца раздобыл боевое оружие. Или усовер-

шенствовал обычное. И стрелял наверняка. Хотел, чтобы никто из жертв точно не остался в живых.

– Сложно понять, зачем кому-то понадобилось лишать жизни эту девушку. Хотя она, конечно, могла быть законченной стервой с целым списком заклятых врагов.

– Не похоже. Полная семья. Жила с родителями. Училась, работала, страстно увлекалась фигурным катанием. – Продолжая рассуждать, Ева стала описывать круги вокруг погибшей – молодой, стройной девушки, которой так и не суждено было узнать, что оборвало ее жизнь. – Осталась в дружеских отношениях с бывшим парнем. Я вчера осмотрела ее комнату, когда приезжала оповестить родителей. Выглядит довольно женственно, но без излишеств. Никаких тайников, откровений на видео – хотя эксперты по электронике там еще поработают.

– Обычная юная девушка, до конца не определившая, чем хочет заниматься в жизни, но полагает, что у нее для этого уйма времени.

– Именно такой она мне и представляется, – согласилась Ева. – По крайней мере, на данный момент. Родственники свяжутся с тобой. Хотят узнать, когда ее можно увидеть.

– Я говорил с ними вчера вечером. Приедут сегодня ближе к обеду. Я о них позабочусь.

– Не сомневаюсь.

Отвернувшись от тела Вайман, Ева стала рассматривать остальных жертв.

– Думаю, именно вторая жертва могла быть заранее намерена.

– Майклсон.

– Да. Пока только догадки. Интуиция. Зацепок никаких.

– Ну, поскольку твое чутье редко подводит, при вскрытии буду иметь это соображение в виду.

– Он понял, что с ним произошло. Согласно показаниям очевидцев, пытавшихся ему помочь, он по крайней мере минуту или две после ранения оставался жив и в сознании.

– Пару минут агонии, – добавил Моррис, кивая. – Отчасти на этом и основывается твой вывод.

– Отчасти.

– В твоём отчете указано, что тебе помогает Ловенбаум. Отправлю ему копию заключения.

– Так точно. Над сколькими серийными убийствами ты уже поработал?

– Это третье. И первое в должности ведущего патолого-анатома.

Сняв очки, Моррис посмотрел на Еву долгим теплым взглядом узких карих глаз.

– Мы ведь... хм, лет десять знакомы?

– Даже не знаю. Думаешь?

Он улыбнулся в ответ, зная, что, будучи копом, из этических соображений Ева старается не обсуждать личную жизнь коллег.

– Примерно десять. А это значит только одно – мы слиш-

ком молоды для таких версий. Давно прошли те времена, когда были распространены подобные приемы. Появление высокотехнологичного оружия способствует развитию, что называется, «науки убийства». Законные ограничения призваны снизить его доступность, а значит, и вероятность использования для таких целей.

– Но рано или поздно...

– Да. Рано или поздно... Я мало что знаю про такое оружие, но постараюсь узнать как можно больше. – Моррис снова посмотрел на Элиссу. – Чтобы мы могли сделать все возможное для нее и остальных.

– Пойду проверю, действительно ли Дикхэд такой большой знаток лазерного оружия, как утверждает Ловенбаум, – решила Ева.

– Удачи. Кстати, Гарнет сказала, вы с ней собираетесь встретиться, посидеть где-нибудь.

– Что? Кто?

– Девинтер.

– А, Девинтер.

«Доктор Девинтер, – вспомнила Ева. – Криминалист-антрополог. Умна, немного назойлива».

– Мы друзья, Даллас... Не больше.

Ева от смущения неловко сунула руки в карманы.

– Это не мое дело.

– Ты была рядом, когда я потерял Амариллис. Твоя поддержка помогла мне сдюжить в те страшные дни. Так что я

понимаю: тебя это может и не касается, но волнует. Нам нравится проводить время вместе. А без сексуального напряжения общаться только проще. Честно говоря, мы вчера ужинали с ней и с Чейлом.

– Священник, патологоанатом и судебный антрополог.

Моррис рассмеялся, и Ева почувствовал, как смущение отступает.

– Та еще троица, если рассуждать по-твоему. Как бы то ни было, она сказала, что уговорила тебя встретиться, выпить чего-нибудь.

– Может быть.

Моррис удивленно поднял брови.

– Ладно. Сдаюсь. Да, так и было. Я должна ей. Уж очень часто выручает – помогает с бюрократическими проволочками. Она тебя подговорила надо мной подтрунивать по этому поводу?

Он лишь улыбнулся в ответ.

– Увидитесь на дне рождения Бэллы.

– Она... Каким боком она должна оказаться на празднике дочки Мэвис?

– Вот уж кто у нас специалист по подтруниванию, так это Мэвис. Регулярно меня подкалывает. Чтоб не расслаблялся. Мы пару недель назад вчетвером ходили в «Голубую белку».

– Ты ходил в «Голубую белку»... сам, по доброй воле?!

– Для разнообразия. Ну так вот: они с Леонардо пригласили Гарнет и ее дочку на вечеринку. Мероприятие обещает

быть грандиозным.

– Ты так говоришь, как будто это отличная новость. Я начинаю за тебя беспокоиться, Моррис.

Последние слова прозвучали вполне серьезно. Затем Ева распрощалась и отправилась к выходу, оставляя друга в компании мертвецов.

Уже практически переступив порог, в дверях она вдруг столкнулась с Пибоди. Щеки у напарницы пылали от мороза прямо в тон любимым розовым ботинкам.

– Я не опоздала. Это вы слишком рано приехали.

– Решила не тянуть резину.

Ева направилась прочь. Пибоди, сообразив, что дело сделано, поспешила следом.

– У Морриса уже есть что-нибудь?

– Он работал с первой жертвой, когда я пришла. Нужно проконсультироваться с Берински, но, похоже, использовалось оружие военного назначения.

– Макнаб занялся этим вопросом еще вчера вечером. – Пибоди поспешила к машине и облегченно выдохнула, устроившись на сиденье. – Он просто помешался на этой теме. И чем мужчин так привлекает оружие?

– Я не мужчина, но люблю оружие.

– Это да. И все же. Он пытался выявить тип оружия. Возможный тип. Принялся за расчеты. Он же компьютерщик. А потом вы прислали написанную Рорком программу. Для него это был настоящий подарок. Как Рождество, горячий

секс и шоколадный пудинг. Все сразу. Как горячий секс на Рождество, дополненный шоколадным пудингом. Хмм...

– Не продолжай.

– Уже представила... но поберегу на потом. Так что Макнаб развлекался с новой игрушкой, а я принялась за показания свидетелей. Как указано в моем отчете, бедный малыш со сломанной ножкой и его родители не видели ничего подозрительного, пока не упали. А потом – только плачущего малыша да мертвую девушку. Все случилось слишком быстро. Они собирались уходить с катка, когда все произошло. Смотрели совсем в другую сторону, и тут – бах!

– Мы проверим весь список, но показаниями свидетелей с катка дело не ограничится. Стреляли очень издалека. Я не смогла найти связь между жертвами и не думаю, что она есть.

– Если выстрелы случайны... – Пибоди отвернулась и посмотрела в окно на прохожих, на проплывавшие мимо окна небоскребов.

– Я не утверждаю, что они абсолютно случайны. Жду полного заключения по вскрытию от Морриса, а тем временем мы начнем проверять здания из составленного Рорком короткого списка. Первая жертва – выстрел пришелся на середину спины. Мощный удар с волновым поражением.

– Я знаю, что это значит! Макнаб вчера объяснил. При волновом ударе, достигнув тела жертвы, выстрел продолжает распространяться ударной волной, увеличивая область поражения.

– Она бы в любом случае не выжила. По крайней мере, шансы были очень малы. Позвоночник почти раздроблен. Это говорит о том, что убийство преднамеренное. Не случайный выстрел. Может, поэтому убийца и решил ограничиться тремя жертвами. Начинается паника. Люди спешат в укрытие, сбиваются в кучу, стремятся пригнуться к земле. Удачные попадания, конечно, возможны. Но не настолько удачные, чтобы сразить наповал. А так – три из трех. Все четко.

– Дабы не гадать, нужно сузить область поиска. – Пибоди тяжело вздохнула, а Ева тем временем свернула в сторону лаборатории. – Сколько зданий в коротком списке?

– Как раз хватит на всех, кто еще не задействован в срочных делах. Привлеку – пусть проверяют.

Едва переступив порог кишмя кишевшей лаборатории, Ева отправилась напрямик к Дикхэду.

Хотя большинство техников носили белые халаты, его легко можно было распознать по гладко зачесанной темной шевелюре на вытянутой, яйцеобразной голове. Он возился за своим рабочим столом.

Ева представила, как Дикхэд стучит длинными «паучьими» пальцами по клавиатуре или тычет ими в экран. Парень не подарок. Настоящая заноза в заднице, при всем том отличный специалист. И его навыки сейчас очень кстати.

Заметив, что кто-то подошел, Дикхэд поднял глаза, и Ева едва не упала на месте. Жалкие волосенки над верхней губой, которые он усиленно пытался отрастить, напомина-

ли бледную гусеницу. А плешивая бороденка походила на рваную паутину. Если он решил таким образом поменять имидж, чтобы соблазнять девушек – а соблазнение было его заветной мечтой, – то Ева предсказала бы сокрушительное фиаско.

– ДСУ, – заявил Дикхэд почти с радостью.

– Да.

– Не каждый день с такими случаями сталкиваешься. Дальнобойная лазерная винтовка. Думаю, Ловенбаум прав насчет модели.

– Видимо, военное оружие. Моррис сказал, у первой жертвы повреждения внутренних органов. Сегодня утром выяснил.

– Да-да, волновой выстрел. Это я уже понял. – Он резко опустил стул и ткнул пальцем в экран: – Вот, посмотрите. Графическая имитация выстрела из тактической винтовки Tactical-ХТ военного образца. Лазерный луч светится красным. Дальность – тысяча ярдов. Скорость распространения пускового импульса – одна целая три десятых секунды. Видите – красная линия достигает тела, проходит насквозь, а затем будто растекается. Это и называется волнами. Бьет точно в цель, а потом распускается, как бутон. – Он поднял ладони, соединил их и развел пальцы в стороны, изображая цветок. – После такого ранения далеко не убежишь.

– У меня трое в морге лежат. Не сумевших...

– Вы мне про мертвых, а я вам про оружие говорю. Соглас-

но медэкспертизе, использовалось военное оружие с волновым лучом. Но я-то это понял сразу. Как только записи с камер видеонаблюдения увидел. Переговорил с Ловенбаумом. Он того же мнения.

– А я и не спорю.

Дикхэд лишь отмахнулся.

– Вам, наверное, требуется узнать предельную дальность Таст-ХТ военного образца. Так вот: известный на сегодняшний день рекорд – три целых шесть десятых мили.

– Я знаю, Берински, мне нужно...

– Умелый стрелок мог бы попасть в цель с баржи на какой-нибудь гребаной восточной реке. Ну, это вы и без меня наверняка знаете. А мне бы очень хотелось увидеть того сукина сына, который умудрился проделать такое в Нью-Йорке. Тут столько разных факторов! Нужно выстраивать линии прицеливания, учитывать изменение ветра, перепады температуры, уж не говоря о том, что жертвы находились в движении.

– Как только задержу этого сукина сына, обязательно вас познакомлю.

– Ловлю на слове. Но не будем же мы всю указанную область рассматривать! Я постараюсь ее сузить. Пишу сейчас специальную программу, позволяющую учитывать угол прицеливания, скорость и так далее.

– У меня есть такая программа, и я уже сузила область поиска.

– Та, что мы использовали...

– У меня новая есть.

На сей раз Дикхэд не стал отмахиваться, лишь хмуро взглянул на Еву:

– Что еще за программа?

– Пибоди.

– У меня на компе есть. Сейчас, – откликнулась Пибоди, набирая несколько комбинаций. – А вот теперь и на вашем.

Напряженно ссутулившись, Дикхэд пробежал глазами по экрану раз, потом еще раз.

– Где вы ее взяли? АНБ?

– Рорк.

– Ха! И сколько его люди над ней трудились?

– Он один. За вчерашний вечер управился.

Берински резко повернулся:

– Вы что, прикалываетесь надо мной?

– Чего ради? Боже мой, у меня трое погибших!

– Да это просто гениально!

Еще раз бегло оценив программу, Дикхэд почесал шею, выражая некоторое сомнение.

– По-моему, можно еще слегка доработать.

– Лучше не лезь.

– И не собираюсь. Я имел в виду, если бы он или его ребята доработали эту вещь, ее можно было бы продать за... Но, как понимаю, ему не надо.

– Дело не в том, – буркнула Ева.

– Ловенбауму показывали?

– Отправила вчера поздно ночью. Наверное, еще не успел посмотреть.

– Как увидит, скажет вам то же самое. Почти идеальная точность. Взгляните. Рассчитаны изменения скорости ветра во время выстрелов, температура, влажность воздуха, угол прицеливания, промежутки между наведением прицела, прицельная линия. Все в одной программе. Вам, конечно, неделями придется прочесывать все эти здания, но направление задано абсолютно точно.

– Плюс уберем объекты со средним и высоким уровнем охраны. – Ева снова взглянула на Пибоди.

– Можно мне?

Не дожидаясь ответа, Пибоди склонилась над столом и открыла следующую страницу.

– Точно! С таким оружием мимо охраны сложно пройти.

– А теперь еще исключим офисы с большим количеством сотрудников и многоквартирные дома, где живут преимущественно семьи.

Дикхэд согласно кивал, а с экрана тем временем исчезло еще несколько зданий.

– Если он не пользовался глушителем, кто-нибудь должен был услышать три пронзительных выстрела. Знаете, как звучит выстрел из лазерной винтовки?

– Я из нее стреляла.

– Тогда знаете. Если пользоваться глушителем, дальность

немного уменьшается, но никто ничего не услышит. Так что все зависит от того, какую он выбрал тактику. Одно можно сказать совершенно точно: тот, кого вы ищете, знает свое дело. Это профессионал, Даллас. Мастер. Но вот последний выстрел... здесь уже не только мастерство. Тут пахнет заносчивостью, мать его.

Как бы ей ни было неприятно соглашаться с мнением Берински, Ева думала о том же.

– Заносчивость ведет к промаху.

– Возможно.

– Поработай над этим вопросом. Удастся исключить еще какие-нибудь области, дай знать.

Берински вновь принялся изучать программу, и она решила больше его не отрывать.

– Надеюсь, обошлось без угроз и подкупа? – спросил он напоследок.

– Просто выменяла на жесткое порно. Уж очень оно ему нравится.

Впрочем, самой себе Ева вынуждена была признаться, что церемонию подкупа не помешало бы повторить.

Из лаборатории Ева поехала в центральное полицейское управление. Нужно было перенести в рабочий кабинет схему преступления и отправить всех, кто не занят, на проверку зданий. А еще она надеялась заскочить к Мире на пару слов.

Конечно, придется побороться с несговорчивым администратором, однако консультация лучшего психолога-криминалиста департамента полиции Нью-Йорка и по совместительству первоклассного мозгоправа сейчас просто бесценна.

Войдя в общую рабочую зону, Ева прямо с порога внимательно огляделась. Бакстера с Трухартом не оказалось на месте – наверное, выехали «в поля». Поза Кармайкла, усевшегося на край стола Сантьяго, явно говорила о том, что они отнюдь не сплетни обсуждают.

Дженкинсон клял на чем свет свой компьютер, а Рейнке медленно вышел из комнаты отдыха с чашкой паршивого кофе из автомата.

- Что-то случилось? – обратилась Ева к Дженкинсону.
- Бумажная работа. Осточертело. Не сдержался.
- Зайдите оба ко мне в пять часов. Пибоди, введи их в курс дела.

У себя в кабинете Ева перво-наперво открыла новую программу Рорка, установила доску для схемы преступления и

обозначила по центру расположение трех жертв. Дабы избежать столкновения с драконом в приемной Миры, она отправила на ее личную почту короткое сообщение. Подробное письмо могло бы сначала угодить в лапы к админу.

Когда вошли Дженкинсон и Рейнеке, она стояла с чашкой «настоящего» кофе в руках и задумчиво смотрела в монитор.

Ева поклясться была готова, что даже свет как-то по-особому искажается при попадании на идиотский галстук Дженкинсона! Сам-то он, видимо, считает, что сие чудовище с золотисто-зелеными горошками на ярко-красном фоне выдает в нем приверженца классики, человека элегантного.

– Начните с сектора к востоку от Мэдисон-авеню. Пибоди даст вам список зданий. Выбрали с помощью вот этой программы. В любом случае это лотерея. Наверняка знать мы не можем.

– Похоже на снайпера, – заметил Рейнеке. – Вы, наверное, считаете, работал в одиночку.

– Скорее всего. Я попытаюсь проконсультироваться с Мирой, но, исходя из наших расчетов и предположений, это мужчина военной или полицейской выучки. Одиночка. Сделать три настолько точных выстрела подряд без обучения и практики невозможно – были бы еще раненые. Проверьте отели и ночлежки. Где-нибудь он должен засветиться. С собой у него наверняка чехол для оружия, но не думаю, что было еще что-нибудь тяжелое. Номер с открывающимися ок-

нами, если нет, стекло пришлось повредить – и защитные экраны. Винтовка без глушителя. Оружие такого плана издает пронзительный свист. Три выстрела – три свистящих звука через очень короткие промежутки времени.

– Вероятность, что кто-то услышал...

– Практически равна нулю, – продолжила Ева, кивнув Дженкинсону в ответ. – Если только в какой-нибудь ночлежке или дешевой квартирке с плохой шумоизоляцией.

– В таком месте при виде копов все готовы в штаны наложить. Если и слышали – не признаются.

– Это да, – согласилась Ева.

– А может, он из своей квартиры стрелял, – предположил Рейнеке. – Разобиделся на администрацию катка из-за какой-нибудь фигни и решил устроить отстрел.

– Давайте выясним. Мы с Пибоди начнем с самого дальнего сектора на востоке и будем продвигаться вам навстречу. Приступим через час после вас. Нам еще нужно заехать в офис второй жертвы и...

Ева не договорила, услышав звук входящего сообщения, и отвернулась к столу.

– Отлично. Мира только-только приехала в управление, обещала заглянуть. Если сможет добавить что-нибудь существенное, мы вам сообщим. Приступайте. Пибоди, исправь еще раз список с учетом обозначенной территории поиска и позвони в офис Майклсона, скажи, мы приедем поговорить. – Ева взглянула на часы. – А мне перед отъездом еще

нужно заскочить к Фини на пару слов.

– Ясно. Будет сделано.

Оставшись одна, Ева подошла к окну, выглянула на улицу и глубоко задумалась. Она ведь довольно метко умела стрелять из лазерной винтовки. С ручным оружием, конечно, дела обстояли гораздо лучше, но и с длинностволкой справлялась тоже прилично. Поразмыслив, она вычислила, что из своего узкого офисного окна могла бы за минуту с легкостью убить, покалечить или ранить не меньше дюжины человек.

«И как только ты умудряешься кого-то защищать!» – упрекнула сама себя Ева.

Заслышав приближающиеся шаги Миры, она отвернулась от окна. Звонкий стук каблучков. Наверняка что-нибудь очень стильное.

Это оказались красные ботиночки с набивным принтом, отлично сочетавшиеся с кожаным ремнем, надетым явно исключительно для красоты, под костюм, что называется, иссиня-белого цвета.

Мягкие темные волосы Миры сегодня были забраны в строгий пучок, в ушах маленькие серьги – красные камушки, из них капельками стекают крошечные жемчужинки.

И как только людям сил хватает с утра пораньше составлять такие комплекты и не походить в них на модного маньяка, а выглядеть вполне по-человечески.

– Спасибо, что заглянула... – начала Ева.

– С тебя чашечка кофе. Я сперва хотела потребовать чай,

но потом почувствовала запах твоего кофе... – Мира тут же отложила в сторону пальто и сумочку – белую, с широкой красной полоской посередине – и подошла к схеме преступления. – Я уже видела сообщение СМИ и читала твой рапорт. Все еще не нашли никакой явной связи между жертвами, кроме посещения катка?

– Нет. И про то, что третья жертва собирается туда прийти, знали всего несколько человек. А точное время вообще никому не было известно.

– Убийцы такого типа часто выбирают свои жертвы спонтанно. Не важно, в кого стрелять. Их завораживает сам процесс, нравится вызывать панику. Общественное место, выстрел с большого расстояния... Спасибо, – поблагодарила Мира, когда Ева протянула ей чашку кофе. – Все трое убитых – абсолютно разные. Двое мужчин и одна девушка. Мужчины по возрасту принадлежат к разным поколениям. Один холост, другой – в паре. Так что нет определенного типажа. Опять же, скорее свидетельство того, что выбирали наугад.

– Первая и третья жертвы умерли мгновенно. Или почти. Первая убита выстрелом в спину. Позвоночник едва не разможен. Третий – в голову. А вот второму выстрел пришелся в корпус, по центру. Он еще пару минут оставался в сознании. Истекал кровью. Первая и третья жертвы не поняли, от чего погибли. Второй парень – понял.

– Ясно. И это наводит тебя на мысль, что вторая жертва и была намечена.

– Это и еще то, что наш стрелок, очевидно, готовился заранее... третий парень сам точно не знал, когда пойдет на каток. А первая... уж очень сложно представить, чтобы именно на нее охотились. Если, опять же не предполагать чисто случайный выбор. Красный костюм, прекрасно каталась.

– Хорошо. – Мира облокотилась о стол. – Значит, вам уже известно, что он дисциплинирован, хорошо натренирован, все тщательно планирует и умеет держать себя в руках. По крайней мере, в критической ситуации. Кроме того, если серийный убийца стреляет с дальнего расстояния в случайных людей, как правило, это значит, что он питает затаенную обиду на общество или выступает с радикальными политическими взглядами и выливает свой гнев на какую-нибудь определенную организацию – военную базу, школу или церковь, например. Цель в таком случае – убить и ранить как можно больше людей, чтобы вызвать страх и панику, а потом и самому «мученически» погибнуть за свою идею.

– Как можно больше... Для таких метких выстрелов нужна серьезная подготовка. Почему же он застрелил только троих? Не дает мне покоя эта мысль, – проговорила Ева. – Раз уж он на трех остановился, маловероятно, что действовал из гнева или обиды. Три чистых попадания – всего за каких-нибудь двенадцать секунд. И да, как только дело сделано, с его стороны было бы логично дожидаться, пока тебя застрелит коп, или совершить самоубийство. Но ничего подобного. По крайней мере, на данный момент он жив.

– Может быть, еще не завершил свою миссию.

– Да, – вздохнула Ева. – Да, и об этом я тоже думаю.

– Я согласна с твоим предположением, что, судя по количеству убитых, одна или несколько жертв выбраны заранее. – Мира так же, как и Ева, сосредоточенно обдумывала возможные мотивы убийства, прихлебывая кофе. – Что же касается второй жертвы, которая умерла не сразу... Возможно, он хотел заставить ее страдать, а это лишь подтверждает наши догадки.

– А может – просто такой уж получился выстрел, учитывая расстояние, движение. И все же он мне кажется особенным.

– Если одну из жертв наметили заранее, убийца специально выбрал людное место, убил двух других для прикрытия и задачу перед собой поставил не из легких. Мы обе знаем, есть гораздо более простые и верные способы лишить человека жизни. Но метод всегда выбирают, исходя из цели и руководствуясь потребностями своей, в данном случае патологически измененной личности. Он не просто хорошо натренирован. На этом навыке зиждется его самооценка, его эго.

– Так вот оно что, – промычала Ева себе под нос, добавляя еще одну черточку в уже мысленно нарисованную картину произошедшего.

– Я бы сказала, вызвать панику и шумиху в СМИ, несомненно, являлось частью плана. Плюс расстояние – дело не только в том, что требуется особый навык. Расстояние са-

мо по себе обезличивает жертв, усиливая хладнокровие преступника. Жертвы превращаются для него просто в движущиеся мишени. Обычно такое восприятие характерно для военных снайперов и профессиональных наемных убийц.

– Не исключено, что его кто-то нанял, хотя заказное убийство – на последней строчке моего личного рейтинга. И если стрелял профессионал, возникает вопрос: кто к нему обратился и почему? И опять-таки: почему именно эти трое? И от себя лично я бы добавила: почему именно Майклсон?

– Он ведь был врачом?

– Да, обычный акушер-гинеколог. Плановые медосмотры, роды... всякое такое.

– Ясно. Можно проверить, были ли смертельные случаи. Пациентка умерла после лечения, роженица погибла, или ребенок не выжил. Редко, но все же такое происходит. Особенно в экстренных ситуациях. Или когда пациенты не следуют врачебным рекомендациям.

– Выйдем на кого-нибудь из близких – супруга, любовника, брата или отца, – кивнула Ева, продолжая дорисовывать мысленную картину. – Или же убийца – женщина. Редко, но и такое бывает. Если пазлы сложатся – вполне возможно. Только зачем убивать еще кого-то кроме...

– Складно у нас получилось, правда?

Ева снова посмотрела на доску.

– Да, удачный день. Мы сейчас поедem в офис Майклсона. Может, удастся что-нибудь выяснить. Иначе...

– Иначе, ты думаешь, последует очередное убийство.

– Если у него навязчивая идея, он наверняка уже выбрал следующее место и нашел себе новое гнездышко. Хочешь вызвать панику и привлечь внимание СМИ – нужно действовать, и действовать быстро. Как говорится, ловить волну.

– Соглашусь.

– Если он снова ограничится тремя жертвами, значит, это число для него что-то значит. Если нет – в следующий раз убитых будет больше. Эго... так ведь?

– Да, отчасти. Несомненно, он хочет потешить свое эго.

– Когда эго берет верх, начинаются ошибки. Возможно, он уже допустил одну. Мне остается только ее найти. Пора за дело. Время дорого.

– Мне очень понравился кофе. – Мира с улыбкой протянула Еве пустую чашку. – И твой жакет.

– Этот? – Ева, опустив голову, стала себя рассматривать – она совсем забыла, что на ней надето.

– Обожаю землистые тона. Себе я их позволить не могу, а тебе очень идут. Что ж, не буду задерживать, – сказала Мира, собирая свои вещи. – Дело сделано – пора и честь знать... Кстати, мы ждем не дождемся вечеринки по случаю дня рождения Бэллы. Денису пойдет на пользу.

Ева уже успела напрочь выбросить из головы эту вечеринку.

– Как он?

– Горюет по любимому кузену, хотя тот перестал быть че-

ловеком задолго до гибели (если вообще им когда-то был). Но ничего, держится. Хотела уговорить его съездить куда-нибудь, развеяться, побыть вдвоем, но поняла, что сейчас ему лучше остаться дома и не менять привычный распорядок. Вечеринка будет очень кстати... немного поднимет настроение. Что может быть радостнее первого дня рождения!

– Многое. Список могу составить.

Мира рассмеялась, качая головой.

– Удачного дня.

Ева вместе с Пибоди поехала назад в Мидтаун в частную клинику доктора Майклсона, которая располагалась на Восточной Шестьдесят четвертой улице, в шаге от Пятой авеню.

«Отсюда до катка вполне можно дойти пешком – оздоровительная прогулка. А до дома ему было вообще рукой подать. Всего в паре кварталов жил – на Шестьдесят первой», – подумала Ева.

Она не без опаски рискнула-таки заехать на второй этаж узкой вертикальной парковки. Пока не прозвучал заветный щелчок и машина прочно не застыла на месте, Пибоди и дышать боялась.

Наконец, успокоившись и прочистив горло, она начала докладывать:

– Офис-менеджер – Марта Бек. Кроме того, у него еще есть администратор, счетовод, фельдшер, акушерка, две медсестры и двое работающих сменами по полдня помощ-

ников сестер.

– Обширный штат для одного доктора.

– Он работает здесь уже двадцать два года. И дважды в месяц ведет прием в местной бесплатной клинике.

Они спустились со второго этажа, громко ступая по металлической лестнице. На улице по-прежнему сыпал мокрый снег. Холодные крупинки, застывая, покрывали все вокруг ледяной коркой.

– Судя по досье, Майклсон имел хорошую профессиональную репутацию. В личной жизни – ничего примечательного.

На входной двери аккуратного двухэтажного дома висела простая табличка с надписью: «Доктор Brent Майклсон». А под ней – еще одна: «Фейт О'Райли».

– О'Райли – акушерка, – пояснила Пибоди, и они с Евой вошли в тихую и на удивление уютную приемную.

В очереди сидели три беременные женщины. Одна неловко держала примостившегося у нее на коленях малыша. Вторая, худенькая женщина лет двадцати пяти, со скучающим видом водила пальцем по экрану карманного компьютера. Третья пришла со своим парнем. Они сидели, обнявшись и держась за руки.

Ева подошла к стойке ресепшена и, учитывая особо чувствительное состояние присутствовавших дам, постаралась сказать как можно тише:

– Я лейтенант Даллас, а это офицер Пибоди. Нам нужно

поговорить с Мартой Бек.

Администратор, симпатичная загорелая девушка, прикусила губу. Глаза ее наполнились слезами.

– Пройдите в дверь направо, пожалуйста.

Не поднимаясь со стула, она развернулась и обратилась к парню в голубом халате:

– Джордж, не могли бы вы сказать Марте, что к ней пришли. Как договаривались.

Голубые глаза парня тоже были на мокром месте. Он резко закрыл их, отвернулся и вышел.

Дверь вела в коридор со смотровыми комнатами. При виде таких кабинетов у Евы обычно внутри все сжималось. Администратор вышла за ними следом.

– Я вас провожу. Мы все... мы... Сегодня тяжелый день.

– Тем не менее вы не закрылись.

– Нет. Доктор Шпикер принимает пациентов доктора Майклсона, а мисс О'Райли – своих и новеньких. Мы постараемся помочь всем, кто записался. Доктор Майклсон недавно обсуждал с доктором Шпикером возможность трудоустройства в нашу клинику. Вот Марта и подумала...

Они прошли мимо располагавшегося в нише поста, где стояли пара стульев, высокие стойки с ванночками и пробирками и где одна из медработниц в халате, сплошь усеянном мелкими цветочками, взвешивала беременную женщину.

– Как давно доктор Майклсон знал доктора Шпикера?

– С тех пор как доктор Шпикер был мальчишкой. Они се-

мьями дружили. Доктор Шпикер только-только ординатуру окончил. Кабинет Марты... то есть мисс Бек...

В дверях показалась высокая, широкоплечая женщина в темном костюме, и администратор умолкла на полуслове.

– Спасибо, Холли. Я Марта Бек, – представилась женщина, протягивая руку.

– Лейтенант Даллас, – сказала Ева, отвечая коротким рукопожатием. – А это – детектив Пибоди.

– Проходите, пожалуйста. Хотите чаю? Кофе предложить не могу. У нас его не водится.

– Нет, спасибо.

Марта захлопнула дверь.

– Присаживайтесь.

Ева опустилась на один из стульев с прямой спинкой. В кабинете царил строгий порядок. Пара растений в горшках, ряд расписных чашек и маленький диванчик с декоративными подушками придавали кабинету некоторый уют, но в целом атмосфера царила исключительно деловая.

Марта села за стол и, сложив руки, обратилась к Еве:

– Есть подозреваемые?

– Расследование еще продолжается. У доктора Майклсона были конфликты с кем-нибудь из персонала или пациентов? С кем-нибудь, кого вы знаете?

– Brent всем нравился. Он был хорошим врачом. Внимательным. Пациентки его любили. Некоторые переехали в самые разные места – Бруклин, Нью-Джерси, Лонг-Айленд – и

все равно продолжали наблюдаться именно у нас. А все потому, что доктор умел расположить к себе. Ему доверяли. Он всегда ставил пациента превыше всего, лейтенант. У нас вся комната отдыха в фотографиях малышей, которым он помог прийти в этот мир. А рядом для сравнения – те же малыши уже во взрослом возрасте. Я работала с ним рука об руку двадцать лет. Он был хорошим врачом и добрым человеком.

Марта перевела дыхание.

– Как я поняла из выпусков новостей, убийство не было заранее спланировано? Просто какой-то сумасшедший разбушевался?

– Мы рассматриваем все варианты.

– Не представляю, кто мог бы желать Бренту смерти. Знала бы – сказала. Он был для меня не просто начальник, а друг. Добрый друг.

– Кому теперь достанется место главного врача клиники?

Марта вздохнула.

– Энди, доктору Шпикеру. Если, конечно, он захочет. Мы с Брентом обсуждали такую возможность, когда Энди еще учился в ординатуре. Брент водил давнюю дружбу с родителями парня. Приходился ему крестным отцом и по совместительству наставником. Они были очень близки с этим семейством. Брент надеялся, что сможет немного уменьшить нагрузку, если и когда Энди захочет начать свою практику в нашей клинике. А решит уйти на пенсию или просто, например, побольше отдыхать и путешествовать – оставит клинику.

ку в надежных руках Энди и Фейт – нашей акушерки.

– У любого врача с многолетним стажем работы, как бы он ни был хорош, случаются ошибки.

– Конечно.

– Родственники пострадавших от врачебных ошибок могут реагировать неадекватно.

– Конечно, – снова сказала Марта. – Несколько лет назад у Брента была пациентка, потерявшая ребенка на седьмом месяце беременности после того, как ее жестоко избил партнер. Он оставил ее на полу без сознания. Когда она пришла в себя и смогла позвонить в службу спасения, было уже слишком поздно. Брента вызвали в суд давать показания, и виновник случившегося пытался ему угрожать. Но его самого убили в тюрьме два года назад. Вы ведь о таких случаях спрашиваете?

– Да. А что стало с женщиной?

– Обратилась к Бренту через два года – забеременела от одного хорошего молодого человека, за которого вскоре вышла замуж, и теперь у них замечательная дочка. Ее фото висит на той самой стене. А мамочка по-прежнему у нас наблюдается. Было еще несколько похожих случаев. На нас подавали иски о врачебной халатности. Но с подобным сталкивается любая клиника. Что же касается реальных угроз, эта единственная, о которой я знаю.

– Были недавно скандальные увольнения, конфликты с сотрудниками?

– Такими заведениями бывает сложно управлять, знаете ли. Brent частенько уделял пациентам больше времени, чем положено по графику. Учитывая это, я много лет составляю расписание так, чтобы промежутки между приемами были побольше. Да и секретарь (уже восемь лет как наняли) помогает сокращать время ожидания. А если бы Энди присоединился к нашей команде, стало бы еще легче. Хотя это, конечно, спорный вопрос.

Марта на мгновение отвела взгляд.

– Я изо всех сил стараюсь поддерживать дисциплину и порядок. Нельзя раскисать. Никогда прежде не испытывала ничего подобного. Да, потеря очень велика. Каждый, конечно, рано или поздно теряет кого-нибудь из друзей или близких. Но чтобы вот так... В голове не укладывается. Знаю, вам нужны зацепки, но мне просто нечего сказать. Не могу представить, кто бы мог так поступить с Brentом.

Несмотря на сентиментальные откровения офис-менеджера, Ева осталась поговорить с каждым из сотрудников лично. Когда стало понятно, что ничего важного больше не узнать, она в подавленном настроении вышла из клиники. И снова оказалась под ледяным дождем.

– Наверно, пора мне сдаваться, – пожаловалась она Пибоди. – Сдаюсь. Майклсон – такая же случайная жертва, как и двое других. Просто оказался не в том месте не в то время.

– Я понимаю, почему вы решили потянуть за эту ниточку...

– Но? – нетерпеливо спросила Ева.

Они с Пибоди как раз поднимались к машине.

– Ну, ясно, что третья жертва наверняка была случайной. Но если выбирать из оставшихся двух, я бы обратила внимание на первую девушку.

– Почему?

– Зависть. Молодая, очень красивая и не менее талантливая. У нее был свой шарм. Отшила какого-нибудь засранца. Или, может, нагрубила. И к тому же ее убили первой. Если бы я планировала такое нападение, мне бы хотелось быть уверенной наверняка, что намеченная цель устранена.

– Логично. Займись ею.

– Заняться?

– Узнай о ней все, что только сможешь, – пояснила Ева. – Работа, семья, школа, друзья. Выведай все о ее повседневных привычках. Где обедала, в какие магазины ходила, каким маршрутом обычно добиралась до катка. Пользовалась ли общественным транспортом, и если да, то каким (метро? автобус? пешком ходила?). Поговори еще раз с ее семьей. И с друзьями поговори – с работы, из колледжа. Может, она дружила с кем-нибудь из соседей... Выясняй, а я возьму на себя Майклсона. Здания поделим поровну. Высажу тебя у колледжа. Начни с него, а я загляну домой к Майклсону. Как закончишь, начни осматривать здания на Йорк-авеню и на Первой. Я проверю Вторую и Третью. Рейнеке с Дженкинсом начали работать к востоку от Мэдисон-авеню. Они про-

верят Мэдисон, Парк и Лексингтон. Начни как можно дальше к востоку. Только набережную мы не трогаем.

– Сделаю.

– Окажемся недалеко друг от друга, я тебя подберу. Если нет – как только все осмотришь, возвращайся в управление. Соберемся вместе с Дженкинсоном и Рейнеке, поговорим. Если кому-нибудь из нас улыбнется удача – дело сдвинется с мертвой точки.

– Ладно, – Пибоди со вздохом посмотрела на хмурое небо. – Я, пожалуй, поеду на метро. Быстрее получится.

– Хорошо.

Пибоди отправилась выполнять поручение, а Ева села наконец в машину и, вырулив с парковки, поехала в сторону Шестидесят первой улицы.

«А доктор Майклсон неплохо устроился!» – подумала Ева, входя с помощью своего универсального пропуска в представительный особняк из белого кирпича. Хорошая система охраны. И надежно скрытая. Ева решила подняться пешком. Всего-то третий этаж. И даже на вычищенной до блеска лестнице повсюду были установлены скрытые камеры.

Она распорядилась, чтобы все приборы собрали и отправили на проверку в отдел электроники, но хотела сама лично посмотреть, как жил доктор, окунуться в атмосферу места.

На лестничной площадке было тихо – всего одна кварти-

ра по соседству. На входной двери надежная сигнализация. Пришлось отключить.

Внутри – просторная гостиная, которая напрямую соединялась с маленькой аккуратной кухней. В обеденной зоне на столе – пара новых свечей в объемных подсвечниках.

Обстановка показалась ей простой и подчеркнуто мужской. Тут царили комфорт и размеренность. На длинном столе – множество фотографий. На них дочка хозяина в разном возрасте... ее семья, Энди Шпикер и, судя по всему, его родители. Еще кое-кто из персонала клиники и много младенцев.

Душевные фото.

На кухне Ева осмотрела «Авто-шеф», холодильник, шкафчики. На ее взгляд, как-то «не по-человечески» доктор питался. Никаких вредных пристрастий.

Майклсон обожал мороженое – весь холодильник был им забит. Предпочитал красное вино, а в остальном ел исключительно здоровую пищу.

Домашний кабинет его был обставлен и украшен так же просто, как гостиная. На одной из стен висело множество фотографий – точь-в-точь как в клинике. Ева живо представила, как Майклсон за столом заполняет какие-нибудь бумаги (что там докторам положено подписывать) и то и дело поглядывает на эту «стену жизни».

Многие новорожденные показались ей на удивление мерзкими. Напоминали не то рыб, не то злобных пришель-

цев. Но она подумала, что Майклсон наверняка очень гордился, глядя на них, ведь с его помощью они появились на свет.

В кабинете у него стоял маленький «Авто-шеф» и мини-холодильник. В холодильнике – минеральная вода, сок и травяные чаи. В «Авто-шефе» фрукты и вегетарианские закуски.

Ни шоколадного батончика, ни хоть какого-нибудь источника кофеина или пачки чипсов.

Как можно быть таким правильным!

«Хотя сейчас это считается достоинством», – пробормотала Ева и направилась дальше, в спальню.

Здесь стояла кровать с высоким мягким изголовьем, простым стеганым белым одеялом и целой горой подушек в темно-синих наволочках.

И еще Ева отметила множество книг. На встроенных полках... на прикроватной тумбочке... в общей сложности около сотни романов.

В ящичках никаких секс-игрушек, а в шкафу – ни малейших следов присутствия женщины. Ни забытого халата, ни иных намеренно оставленных женских вещей. Как, впрочем, и мужских. Наскоро осмотрев гардероб, Ева поняла: вся одежда в нем принадлежит исключительно Майклсону.

Костюмы, медицинская форма, повседневная, спортивная одежда. И коньки. Помимо тех, что он надевал в последний день жизни, тут хранились еще две запасные пары.

В ванной Ева нашла презервативы и таблетки для улучшения потенции – значит, накануне у него был секс либо намечалось свидание, и он к нему тщательно подготовился. Ничего запрещенного или необычного обнаружить не удалось.

И наконец, завершая осмотр, она прошла в хорошо обставленную комнату для гостей, а оттуда – в сияющую чистотой уборную.

Уходя, Ева составила себе уже полное представление о жертве. Это был добропорядочный, преданный своему делу врач, искренне любивший детей и женщин. Он следил за собой, жил тихо, обожал кататься на коньках, читать и ценил общение с узким кругом близких друзей.

Мотива для убийства даже вообразить не получалось.

Вернувшись в машину, она поехала на восток, по дороге обдумывая доводы Пибоди.

Элисса Вайман. Молодая, весьма привлекательная, стройная, очевидно довольная жизнью, хорошо воспитанная. Не проявлявшая большого интереса к противоположному полу, не стремившаяся завязывать отношения с мужчинами. По крайней мере, на первый взгляд. Возможно, кто-то интересовался ею. Кто-то, кого она отвергла или попросту не замечала.

Хотя, может быть, копнув поглубже, удастся обнаружить какую-нибудь тайную связь или пристрастия, которые девушка тщательно скрывала от семьи и друзей.

Да и Майклсона тоже не стоило пока совсем сбрасывать

со счетов.

А может, убийца выбирал наугад. Худшее из всего возможного. Ведь если ему было все равно, кого убивать, в следующий раз повторится то же самое.

Не самый удачный выдался день для прогулки, однако Ева оставила машину на ужасно дорогой парковке и отправилась пешком к первому зданию из своего списка. На первом этаже располагались французский ресторан, магазин мужской одежды и причудливо украшенная сувенирная лавка со множеством нарядных пылесборников на витрине. Сверху – три жилых этажа, над ними танцевальная студия и студия йоги. Выход на крышу был открыт и доступен как для жильцов, так и для работников и посетителей студий.

По данным программы Рорка, наиболее подходящим местом была крыша. Второй в рейтинге значилась студия йоги. Так что Ева решила начать с самого верха.

Ветер обжигал, ледяные крупинки царапали кожу. Ева достала из кармана бинокль, настроила резкость и сразу же увидела каток. Далековато, конечно. Но если взять прицел помощнее... Да, она ясно представила, как все можно было бы сделать.

К тому же она припомнила, что в тот день не было ни льда, ни снега. Да и ветер почти не дул. Возможно, отчасти исходя из этого, убийца и выбрал время.

Стоя на крыше, Ева представила себя в шкуре преступника. Наверняка ему пришлось выжидать нужный момент.

Понадобилось сиденье. Какой-нибудь легкий складной стул. Упереть оружие об ограждение. Зафиксировать.

Она опустила на корточки, представляя, что сидит на стульчике, держа воображаемое оружие в руках и заглядывая в прицел. В этой позиции ее слишком хорошо было видно из соседних зданий.

«Никакого укрытия, – подумала Ева, – и чересчур много окон. Слишком велик риск быть замеченным. Даже сумасшедший не стал бы так подставяться».

И все же она достала очки-микроскопы и тщательно осмотрела кирпичную стену по соседству в поисках следов от лазерных выстрелов. Так ничего и не обнаружив, Ева спустилась с крыши и отправилась проверять студию йоги.

Здесь шло групповое занятие. Участники – преимущественно женщины – в разноцветных обтягивающих костюмах, расположившись на ярких ковриках, замирали в странных позах. Занятие вела гибкая, невероятно красивая девушка с просто-таки совершенным телом. Она стояла лицом к группе, а за спиной у нее висели огромные зеркала во всю стену.

Казалось, она показывает движения, только чтобы лишний раз смутить всех остальных.

Нежный, мелодичный голос инструктора звучал под тихие музыкальные переливы.

Ева подумала, ей бы наверняка захотелось схватить эту девушку за ноги и скрутить в морской узел на первом же

занятии.

Такой характер. Что ж поделать.

Она вышла и заглянула в располагавшуюся за соседней дверью танцевальную студию.

Снова зеркальная стена и негромкая музыка. Но на сей раз мелодия была живее, ритмичней. Темнокожая девушка выплясывала в гордом одиночестве. Подпрыгивала, задира-ла ноги, крутила бедрами.

Она трижды со свистом обернулась вокруг оси, сделала колесо и поставила точку, высоко подняв руки и запрокинув голову.

– Черт! – выругалась она, учащенно дыша. Но в голосе слышался задор.

– А мне понравилось.

Девушка схватила полотенце, вытерла мокрое от пота ли-цо и внимательно посмотрела на Еву.

– Дважды со счета сбилась и забыла про этот проклятый кувырок! Извините, вы на занятие пришли?

– Нет. – Ева достала значок.

– Опа! – раздалось в ответ.

– Всего пара вопросов. Во-первых, представьтесь, пожа-луйста.

– Донни Шэддери. Это моя студия. То есть я ее снимаю.

– Вы вчера проводили занятия?

– У нас каждый день занятия. Без выходных.

– Насколько я знаю, вчера с трех до четырех занятий не

было.

– Да. Утренние классы – с семи до восьми, с восьми тридцати до девяти тридцати, с десяти до одиннадцати и с одиннадцати до двенадцати. Потом с двенадцати до часу – перерыв. С часу до полвторого что-то вроде импровизации, а потом дневное занятие – с полвторого до полтретьего. Потом у меня обычно перерыв до пяти. Все дни, кроме пятницы.

– Вы инструктор?

– Нас тут двое. Вчера я работала утром и днем, моя напарница – вечером. А что случилось?

«Неподходящее место, – подумала Ева. – Слишком плотное расписание. И все же...»

– Мне нужно знать, находился ли кто-нибудь здесь или в соседней студии вчера с трех до четырех часов дня.

– Я. Меня сегодня в новый мюзикл пригласили. Репетирую каждую свободную минутку. Вчера была здесь с полседьмого утра до пяти вечера.

– А что насчет студии йоги?

– Знаю, что, когда Сенса пришла, еще семи не было. А около трех она, как всегда, медитировала. Ну, наверняка. Я не заглядывала. У нее еще два инструктора работают. Одна из них, Пола, заходила ко мне в три – после дневного занятия. Она тоже танцами увлекается. Заглянула посмотреть, как я репетирую.

– Значит, весь день кто-нибудь здесь находился.

– Да.

– А из незнакомцев никто не заходил?

– По крайней мере, я не видела. И не слышала. Нам стоит начать беспокоиться?

– Не думаю, – Ева подошла к окну. – Семь дней в неделю, – повторила она. – И днем на этаже всегда кто-то есть.

– Ну да. Если уходим, мы все запираем. У нас и табличка есть. Мы с Сенсой снимаем этаж на двоих. Для удобства организовали здесь что-то вроде подсобки. Храним инвентарь... коврики... Мы ведь еще дважды в неделю по очереди преподаем в моей студии танец живота. Ничего особо ценного... но все равно всегда закрываем. Что-то у кого-то украли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.